

КНИГА 2

ХОЗЯИН ЛЕСА

ОДИН
ПОПАДИТ.
СЕМЬ ИДУТ.
ТОЛЬКО ОДИН
ВЕРНЁТСЯ.

ГУРМАНГРАД

АНДРЕЙ КОВАЛЬ

ЦИКЛ «КОДЕКС ГОЛОДА»

План отряда:

- ✓ Найти оборотня
- ✓ Не умереть
- ✓ Поест
- ? Вернуться
(по возможности)

ВЕНЯ
НЕ БРОСИВАТЬ
(НО ЭТО НЕ ТОЧНО)

Андрей Коваль

Книга 2: «Хозяин леса»

<https://litres.ru/74623392>

SelfPub; 2026

Аннотация

Легенда гласит: мясо Чёрного Рогача дарует силу тем, кто его приготовит. И забирает жизнь у тех, кто не справится.

Антону предлагают работу. Опасную. Дорогую. Такую, от которой он не может отказаться. Всё, что нужно — войти в лес, найти зверя и сделать то, что умеет лучше всего. Приготовить его.

Но в лесу всё иначе. Здесь ингредиенты кусаются. Здесь тени следят за тобой. Здесь каждый шаг может стать последним.

И здесь, как никогда раньше, Антону придётся доказать, что он — не халтурщик. Потому что цена ошибки — жизнь тех, кого он любит.

«Охота на Чёрного Рогача». Продолжение приключений повара-неудачника.

Содержание

Пролог: «Хозяин леса»	5
Глава 1. «Первый привал в тумане»	10
Глава 2. «Следы и яд»	26
Глава 3. «Корочка и чужой след»	42
Глава 4. «Ночной костёр»	58
Глава 5. «Гномий дозор»	73
Глава 6. «Волчья засада»	89
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Андрей Коваль

Книга 2: «Хозяин леса»

Пролог: «Хозяин леса»

Под Чёрным Деревом ночь не была тишиной. Вода капала с толстых корней на плоский камень, где-то в глубине ходила под землёй тонкая струя, по мху ползли жуки, а в старом дупле над логовом ворочалась сонная куница. Хозяин лежал между корнями, положив тяжёлую голову на лапы. Рога входили в переплетение дерева так привычно, что ветви над ним казались продолжением черепа. Старый шрам на правом боку тянул кожу при каждом вдохе, но боль давно стала частью тела — такой же обычной, как когти или запах сырой земли.

Разбудило его отсутствие звука. На ближнем дубе белка выронила орех и не спустилась за ним. Птицы с опушки поднялись разом, без обычной ругани. В лощине волки перестали возиться возле добычи, один коротко повёл носом и прижал уши. Хозяин открыл глаза. Отдельно всё это ничего не значило. Вместе значило чужих.

Он вышел из логова без рыка. Пугать собственный лес не требовалось. Под лапами были знакомые корни: один пружинил после дождей, другой давно прогнил внутри, третий скрывал нору мыши, которую Хозяин никогда не трогал. Ветер тянул с запада влагой, оленьей шерстью, грибами и далёким дымом. Между этими запахами уже проступало новое: железо, кожа, человеческий пот, масло для оружия, сушёные травы. Несколько людей. Не один и не двое.

У старого святилища он остановился. Каменные ступени давно ушли под мох, на плите лежал ржавый обломок шле-

ма, а под корнями дуба белели человеческие кости. Люди когда-то считали это место своим. Потом ушли. Камни остались, железо осталось, кости остались, лесу было всё равно, как они называли себя при жизни. Хозяин провёл мордой над свежим следом сапога, втянул воздух и пошёл вдоль него до серого валуна у ручья.

На камне ещё белела минеральная корка. Коготь снял тонкую стружку. Хозяин лизнул её, переждал горечь и поскрёб снова. Почти пусто. Когда он был моложе, хватало одного движения языком, теперь приходилось снимать слой за слоем, а вкус всё равно оставался слабым. То же происходило у северного ручья. То же — на глинистом склоне за логовом волков. Звери уходили дальше за солью, меняли тропы, дрались там, где раньше расходились. Это началось задолго до сегодняшних людей.

Старый олень появился у поляны перед рассветом. Хозяин знал его маршрут и пришёл раньше, устроившись ниже ветра. Олень замедлился у воды, поднял морду — слишком поздно. Один бросок, короткий хруст, тёплая кровь на листьях. Хозяин постоял над телом, потом отошёл. Голод в брюхе остался, но мясо сейчас не интересовало. Другой голод тянул его обратно к следам.

Чужих оказалось больше, чем он определил сначала. Семь запахов держались вместе, восьмой тянулся к ним от города и снова уходил назад. Один человек пах дымом сильнее остальных. Другой — железом и старой кожей. Женщина

несла на себе кровь множества животных, вьёвшуюся в ремни и рукояти ножей. Был запах гнома: металл, шерсть, масло, кислый пот. Молодой человек с неровной магией отдавал гарью ещё до того, как что-либо поджжёт.

Последний запах Хозяин разобрал не сразу. Человек пах железом, горячим жиром, мукой, луком, травами и ещё десятком мелочей, которые не встречались вместе ни у охотников, ни у солдат. Из его мешка тянуло едой. Настоящей — обработанной огнём и руками. А глубже, под салом, хлебом и тканью, лежало то, чего в камнях становилось всё меньше.

Соль.

Хозяин обошёл людей по ветру. Ближе подходить не понадобилось. Они шумели достаточно: ремни поскрипывали, металл задевал металл, кто-то тихо ругался на корни. Они ещё ничего не добыли и всё равно пахли как те, кто пришёл не просто пройти лес. Такие люди обычно считали, что выслеживают зверя. Иногда это длилось день. Иногда неделю. Потом лес объяснял им ошибку.

Но человек с солью был новым.

Хозяин лёг в папоротник и долго смотрел на движущиеся между стволами фигуры. Он не выбирал, кого убить первым, и не строил планов на человеческий манер. Пока они шли туда, куда он позволял им идти, вмешиваться не требовалось. Можно было слушать. Смотреть. Понять, зачем они принесли соль туда, где она исчезала.

Когда последний из семерых скрылся в тумане, Хозяин

поднялся и пошёл параллельно тропе, не наступая на мягкую землю. Под Чёрное Дерево он вернулся уже после рассвета. Лёг между корнями, закрыл глаза и снова услышал лес целиком.

Теперь в нём было семь новых запахов.

Один из них пах едой и солью.

Глава 1. «Первый привал в тумане»

Лес успел поглотить нас шагов на двадцать, когда из-за спины раздалось такое выразительное бульканье, что я сначала решил: где-то рядом проснулся подземный источник. Потом Хоган остановился, согнулся и прижал ладонь к животу. Источник, как выяснилось, был вполне человеческий и, судя по лицу владельца, собирался выйти из берегов.

Торвальд обернулся первым. За воротами Гурманграда

ещё угадывался серый просвет, но город уже почти исчез за туманом; вернуться можно было за пару минут, если не считать того, что путь шёл слегка в горку. Для Хогана это «слегка» внезапно стало вопросом жизни, смерти и сохранения достоинства. Бьорн посмотрел на него, потом на город и тяжело вздохнул.

Бьорн спросил, не пирожок ли это. Хоган, насколько позволял живот, выпрямился и назвал случившееся «нормальной едой». После уточнения про Южные ворота молчание вышло признанием; Бьорн ещё назвал старуху в красном платке и серое по краям мясо, а Хоган только попросил его прекратить.

Живот Хогана ответил вместо него. Вениамин, стоявший ближе всех, осторожно переставил ногу на полшага в сторону. Я сделал то же самое исключительно из уважения к чужой частной жизни.

Книга тут же объявила пирожок первым противником похода и поставила на его победу. Я попросил не начинать. Рик, не слышавший её, переспросил. — Артефакт злорадствует, — пояснил я. Бьорн признал артефакт правильным и напомнил, что злорадство заслуживается делом.

Хоган посмотрел на нас с такой смесью ярости и отчаяния, что смеяться стало неловко. Почти. Он назвал Торвальда по имени, дождался взгляда и выдавил: — Я не пойду. Не потому, что боюсь леса. Если сейчас пойду, через полчаса вы сами меня обратно понесёте. И, поверьте, не на руках.

Торвальд не стал спрашивать лишнего. Кивнул на город. — Возвращайся. Если отпустит — жди нас. Мы назад ради тебя не поворачиваем.

Хоган успел сделать два обычных шага, третий уже получился странным, а потом он побежал — коротко, осторожно, с одной рукой на животе и второй там, где в приличном обществе руку держат только в очень особых обстоятельствах. Туман принял его через несколько секунд. Бьорн смотрел вслед до последнего.

Когда Хоган исчез в тумане, Бьорн только пробормотал про серое мясо и взрослого мужика. Я заметил, что теперь нас семь — красивое число. Ларс, поправляя ремень лука, сухо добавил, что для могил тоже удобно.

Ларс даже не улыбнулся. Человек мог произнести совершенно мрачную вещь и оставить тебе самому решать, была это шутка или профессиональная оценка.

Торвальд пересчитал нас взглядом, будто цифра могла снова поменяться, и махнул вперёд. Ларс ушёл первым и растворился между стволами; за ним двинулись Бьорн и Грета, Вениамина поставили в середину рядом со мной, Рик замкнул строй. Когда я оглянулся, ворот уже не было видно. В первой книге моей жизни на этом месте обычно появлялась бы музыка, герой бы сказал что-нибудь важное и вступил в неизвестность. У меня в руке была тяжёлая чугунная сковорода, в рюкзаке лежали яйца, а за спиной кто-то всё ещё обсуждал чужой пирожок. В общем, судьба старалась, как мог-

ла.

Сковороду я купил уже здесь, в Гурманграде, у гнома-кузнеца за три серебрушки. Нормальный чугунок, ровное дно, кожаная обмотка на ручке и мои инициалы на боку — кривые, потому что кузнец дал мне резец и сказал: «Сам, раз хочешь память». Бабушкина осталась дома. Точнее, то, что от неё осталось после первой книги моих приключений. Та была памятью. Эта должна была работать. Разница казалась важной, особенно когда таскаешь несколько килограммов железа на поясе и стараешься убедить себя, что взял их исключительно ради кухни.

Лес быстро отучил смотреть назад. Корни лезли под ноги, низкие ветки цеплялись за рюкзак, влажная хвоя пружинила и иногда уходила вниз сильнее, чем ожидалось. Туман не висел красивой декорацией — он лез в лицо, садился на ресницы, намокал на волосах и превращал каждый далёкий ствол в возможного зверя. Через час я уже трижды принимал пни за кого-то живого, один раз извинился перед кустом и окончательно перестал считать это смешным.

Вениамин держался рядом и честно пытался идти тихо. Получалось у него примерно так же, как у меня в прошлой жизни получалось вставать на пробежку в шесть утра: идея была хорошая, исполнение страдало. На первом же подъёме у него из рюкзака высунулась книга, потом вторая, затем свернутое одеяло зацепилось за ветку и чуть не утащило хозяина назад.

Пока я помогал отцепить ткань, выяснилось, зачем Веня тащит три одеяла: одно себе, одно мне — потому что вчера я один раз чихнул, — и одно Грете. Та, не оборачиваясь, отказалась и сообщила, что если ночью замёрзнет, возьмёт одеяло у меня. Я едва не врезался ей в спину. Бьорн впереди одобрил грамотное распределение ресурсов, моё напоминание, что я вообще-то всё слышу, его только развеселило.

Грета на мгновение повернула голову. Уголки губ у неё всё-таки дрогнули, но отвечать она не стала. В первой книге я бы ещё минут десять разбирал, что означает эта улыбка, потом спросил бы Книгу, Книга обозвала бы меня идиотом, и в результате мы все пришли бы к выводу, что я идиот. Опыт экономил время: улыбнулась — хорошо. Не зарезала — вообще отличный день.

К полудню мы сделали короткую остановку у ручья. Вода была прозрачной, ледяной и пахла камнем. Ларс попробовал её раньше всех — не пил, только коснулся языком капли с пальца, затем набрал воды во фляги. Торвальд следил за склоном, Бьорн ел хлеб с лицом человека, которому хлеб задолжал мясо, а Рик держался чуть поодаль и почти не говорил.

Однако в этот раз он не стал искать отдельное место для вещей: плащ положил рядом с нашими, нож — так, чтобы рукоять была на виду. Я подвинул ему хлеб. Он взял без вопроса. Книга под рубашкой шевельнулась, собираясь что-то написать. Я прижал обложку локтем и продолжил есть.

После ручья тропа стала уже. Иногда Ларс исчезал впереди, потом возникал сбоку там, где никакой тропы вообще не было, и коротким жестом показывал направление. Я несколько раз пытался понять, как он это делает. В итоге решил, что следопыты рождаются уже с навыком появляться из кустов в самый неприятный момент.

После ещё одного подъёма я зацепился носком за корень и полетел вперёд. Спас меня не навык, не магия и не внезапное благословение Гастроса, а Бьорн: гном поймал за ремень рюкзака и рванул назад так, что я сел прямо на мокрый мох. Внутри рюкзака что-то глухо стукнуло. Я замер.

Первой мыслью после удара было: яйца. Грета мгновенно развернулась, и через секунду мы уже снимали рюкзак, чтобы узнать, насколько милостив ко мне этот мир.

Прямо посреди тропы я снял рюкзак и достал деревянную коробку. Грета присела рядом, раскрыла крышку и начала проверять каждое яйцо так внимательно, будто принимала товар у подозрительного поставщика. Все десять — целы. Я выдохнул. Бьорн посмотрел на меня с непониманием.

Бьорн напомнил, что я чуть не сломал шею. Я ответил, что шея заживёт. Гном указал на яйца. Вот человек понимает приоритеты. Грета спрятала коробку глубже и велела в следующий раз падать на спину. Я возразил, что на спине у меня яйца. Грета велела тогда вообще не падать. Совет ушёл в коллекцию рядом с «не умирай». Торвальд впереди поинтересовался, закончили ли мы, и добавил ещё один полезный

пункт: смотреть под ноги.

Удивительно, но от человека, который, кажется, родился уже сорокалетним охотником, это прозвучало почти как издевательство.

Чуть позже Ларс увёл нас с тропы метров на двести, чтобы обойти свежий оползень. Вот там стало ясно, зачем в отряде нужен человек, который умеет читать землю. Для меня склон выглядел одинаково мокрым и неудобным; Ларс же находил места, где корни держали грунт, заранее обходил скользкие камни и один раз остановил Бьорна буквально за шаг до ямы, скрытой папоротником. Гном заглянул вниз, сплюнул и пошёл дальше, не сказав ни слова. Минут через десять сунул Ларсу кусок вяленого мяса. Тот взял. Видимо, так у охотников выглядел официальный акт благодарности.

Вениамин на этом участке окончательно проклял свои книги. Рюкзак тянул его назад, ремень врезался в плечо, а одеяло снова пыталось зацепиться за всё живое и половину неживого. Я предложил часть переложить ко мне, но он отказался. Потом отказался от помощи Рика. Потом ещё метров через сто молча протянул Рику две самые толстые книги.

— Только не намочи, — предупредил Вениамин.

— А если всё-таки намочу?

Веня посмотрел так серьёзно, что даже Бьорн притих.

— Высушу. Вместе с книгами. Магией, если понадобится. Рик признал аргумент убедительным.

Рик закинул книги повыше на плечо. Вениамин ещё пару

шагов смотрел на него с подозрением, потом тоже фыркнул и полез поправлять одеяло. Я проверил ремень на коробке с яйцами. Он держался.

На коротком дневном привале готовить я не стал. Торвальд дал нам четверть часа, и тратить половину на костёр было бессмысленно. Раздал хлеб, сало и по кусочку сушёного мяса. Бьорн заявил, что холодная еда в походе — преступление против цивилизации, но съел свою долю первым. Грета проверила ремни на коробке с яйцами, Ларс стоя жевал у края тропы, а Вениамин пытался читать «Основы пиромагии», держа книгу одной рукой и хлеб другой.

Бьорн поинтересовался, есть ли в «Основах пиромагии» глава про чихание. Не было. Тогда книга была объявлена бесполезной. Вениамин попытался защитить её обратными вспышками и ожогами второй степени, но вопрос про палатки окончательно закрыл спор.

Бьорн довольно кивнул и больше к теме не возвращался. Вот его язык отличался от моего: мне для издевательства обычно требовалось хотя бы два предложения, ему хватало одного вопроса и бороды.

К вечеру ноги гудели. Плечи под ремнями рюкзака затекли, пальцы на правой руке ныли от постоянной тяжести сковороды, а туман так и не рассеялся. Когда Торвальд наконец поднял кулак, я чуть не поблагодарил его вслух.

Поляну выбрал Ларс. С одной стороны её прикрывал упавший дуб, с другой шёл неглубокий ручей, ещё две сто-

роны просматривались между редкими деревьями. Торвальд прошёл круг, ткнул копьём в пару подозрительных кочек, проверил, нет ли следов крупного зверя, и только после этого разрешил бросить рюкзаки.

Бьорн сбросил рюкзак первым и объявил, что здесь и умрёт. Торвальд велел сначала поставить палатку, за что немедленно был признан плохим командиром, не уважающим последние желания.

Вениамин тем временем уже собирал хворост. Я увидел это, открыл рот — и опоздал. Он чихнул.

Чих сам по себе был обычный. Огонь — нет. Из ладоней Вениамина вырвался жёлто-оранжевый язык высотой почти с него самого, пролетел мимо кострища и ударил в бок палатки, которую Бьорн как раз расправлял изнутри. Мокрый брезент секунду дымил, потом край вспыхнул.

Из палатки донёсся звук, который я бы не рискнул записывать буквами при детях.

Бьорн вылетел наружу вместе с горящим рукавом и половиной полотнища на плече. Грета уже несла ведро. Она не стала спрашивать разрешения, просто вылила воду ему на голову. Ларс сбил ногой огонь на траве, Рик схватил второй кусок брезента и затоптал его сапогами, а я перехватил Вениамина раньше, чем тот успел либо броситься тушить всё руками, либо поджечь что-нибудь ещё из чувства вины.

Я перехватил Вениамина за плечи и заставил смотреть на меня. Он торопливо объяснял, что всего лишь чихнул. Я ве-

лел опустить руки — не к палатке, а к земле — и дышать.

Бьорн стоял в трёх шагах, мокрый от бороды до сапог. Один ус заметно укоротился и теперь закручивался кверху. Он медленно провёл по нему пальцами.

— Вениамин.

Веня попытался спрятаться за меня. При его росте получилось плохо.

Веня пообещал купить новую палатку: хорошую, непромокаемую. Бьорн добавил обязательное условие — негорючую. На робкий вопрос, бывают ли такие, гном посмотрел на обугленный брезент и объявил это новой научной проблемой Вениамина.

Я всё же рассмеялся. Не один: Рик отвернулся, но плечи у него затряслись, Грета села на корточки возле ведра и прикрыла рот кулаком. Даже Ларс издал звук, который при хорошем воображении можно было принять за смешок. Торвальд не смеялся. Он осмотрел выжженную полосу возле палатки, затем перевёл взгляд на Вениамина.

Торвальд ткнул пальцем в сторону леса.

— Ещё один такой столб огня уйдёт туда. И одной палаткой мы уже не отделаемся.

Улыбки сразу стихли.

— Понял, — сказал Веня.

— Тогда покажи маленький огонь. Прямо сейчас.

Я хотел вмешаться, но Торвальд уже отошёл к кострищу и ткнул пальцем в щепки. Вениамин встал напротив, вытянул

ладони. Первые искры сорвались слишком резко. Он дёрнулся, пламя выросло, Бьорн отступил на шаг и очень выразительно промолчал.

— Не дави, — сказал я. — Тебе не надо победить огонь. Просто дай ему место.

Вениамин заметил, что совет звучит как плохая книга по саморазвитию. Настоящая Книга тут же сообщила, что всё слышит, я заверил, что речь не о ней.

Вениамин выдохнул. На ладони остался маленький синий язычок. Он дрожал вместе с пальцами, но не рос. Веня медленно поднёс его к сухой бересте. Та почернела, задымилась и занялась ровно, без взрыва.

Торвальд кивнул. — Вот так.

Веня всё равно улыбнулся так, будто ему выдали диплом.

Лагерь собрали заново. Бьорн развесил уцелевшие куски палатки на ветках и объявил, что спать будет «по-гномьи, без этой человеческой тряпочной роскоши». Через пять минут забрал одно из Вениаминовых одеял. Рик помог Ларсу перетянуть навес. Грета ушла за водой, Торвальд проверял окрестности, а я поставил котелок и полез в рюкзак.

После ходьбы хотелось мяса, хлеба, чего-нибудь жирного и желательно уже готового. Запасы позволяли устроить небольшой праздник, но на первый же вечер жечь продукты было глупо. Я достал муку, кусок сала, две луковицы и мешочек трав Магды. Затируха. Бабушка делала её, когда в холодильнике было «ничего», а через полчаса оказывалось,

что «ничего» вполне можно есть ложкой и просить добавки.

Сало я нарезал мелко и бросил на холодную сковороду. Оно начало отдавать жир ещё до того, как чугун толком прогрелся; прозрачная лужица медленно разошлась по дну, запах пополз между палатками и сразу собрал больше внимания, чем любые команды Торвальда. Бьорн, только что заявлявший, что смертельно устал, поднял голову.

Бьорн немедленно оживился.

— Ужин?

— Смазка для сковороды. Тебе нельзя.

— Всегда знал, что ты плохой человек, — удовлетворённо сказал гном.

Лук пошёл следом. Я не торопил его: сначала дал стать прозрачным, потом дождался золотых краёв и только тогда высыпал затирку — мелкие комочки муки, растёртой с водой. В прошлой жизни я бы, скорее всего, высыпал всё сразу, прибавил огонь и потом героически отскребал пригоревшее. Здесь я неожиданно нашёл в себе терпение. Возможно, потому что рядом сидела Грета с ножом. Хорошая мотивация к профессиональному росту.

— Воды, — сказал я.

Рик, оказавшийся ближе всех к ведру, тут же подал ковш. Не спросил, не нужно ли что-то ещё, и не полез помогать дальше. Просто передал и вернулся к навесу. Я заметил это краем глаза и продолжил готовить.

Обжаренную затирку с луком и салом я пересыпал в коте-

лок, залил горячей водой и посолил. Сперва мучные комочки плавали отдельно, каждый сам по себе; потом мука начала отдавать крахмал, вода помутнела и стала густеть, затируха связалась в мягкую крупку, а жир поднялся на поверхность прозрачными золотистыми точками. Огонь убавил до самого спокойного. Соль отмерил один раз: на Земле я умудрялся посолить, отвлечься, забыть об этом и посолить опять; здесь мешочек был слишком лёгким для старой привычки. Травы Магды добавил в самом конце. Пар пах луком, салом, мокрой землёй и чем-то домашним настолько неуместным среди этих деревьев, что на минуту стало смешно. Полдня мы шли за зверем, которого нормальные люди обходили стороной, а я стоял в тумане и следил, чтобы простая бабушкина еда дошла как надо. Приоритеты человека, как известно, формируются воспитанием.

Первым миску получил Торвальд — не из уважения к начальству, а потому что стоял ближе. Он попробовал, съел ещё ложку и ушёл проверять край поляны вместе с миской. Ларс ел быстро и без комментариев. Вениамин дважды обжёгся, каждый раз обещал себе подуть на следующую ложку и каждый раз забывал. Грета сидела рядом со мной, вытянув ноги к огню, её плечо иногда касалось моего, когда она тянулась за хлебом. Я старательно делал вид, что это совершенно обычное явление.

Бьорн попробовал последним, нахмурился, прожевал, доел миску и потребовал добавку. Я попытался выпросить

оценку, гном спросил, собираюсь ли я готовить еду или собирать комплименты. «Сойдёт» было максимумом ресторанной критики. Я налил ещё.

Рика я заметил, только когда сам сел есть. Он устроился на поваленном дубе чуть за кругом света. Миска была в руках, ложка лежала поперёк, затируха почти не тронута. В прошлый раз я бы, наверное, полез с душевным разговором. Теперь просто взял свою миску и сел на другом конце ствола.

Некоторое время мы ели молча. Точнее, ел я. Рик ковырнул ложкой затируху и снова положил её.

— Невкусно? — спросил я. В ответ получил настолько содержательное «нет», что уточнил ещё раз. С едой всё было нормально. Значит, проблема хотя бы не моя — уже легче.

Рик посмотрел на костёр. За огнём Бьорн спорил с Вениамином, сколько будет стоить новая палатка. Грета резала хлеб. Торвальд слушал Ларса. Никто не смотрел в нашу сторону.

Рик покрутил миску в руках.

— Раньше я у таких людей еду отнимал. Не у этих. Но... понимаешь. А теперь сами дали.

— Миска казённая, не привыкай.

Он всё-таки поднял ложку.

— Странно.

В лес идти за Рогачом тоже было странно, день вообще отличался решениями высокого качества.

Через пару ложек Рик всё-таки спросил, правда ли я со-

бираюсь учить его готовить. Вчера просил — я не передумал. Начинать, правда, предстояло не с ножа, а с миски: после ужина её надо отмыть. Рик решил, что я шучу. Ничего подобного. Повар, который красиво режет мясо и оставляет после себя засохшую кашу, — не повар, а стихийное бедствие с ножом. Нож будет завтра, если посуду переживёт.

Он хмыкнул и наконец начал есть нормально.

К тому времени я наконец добрался до собственной миски. Знакомый эффект пришёл без фанфар: тепло разошлось от живота к спине, мокрый холод перестал так охотно лезть под одежду, а ноги после дороги будто отпустили на одну дырку ремня. Книга лениво раскрылась на знакомой странице: «ПОХОДНАЯ ЗАТИРУХА. +10 к выносливости. +5 к сопротивлению холоду. Полевое применение подтверждено». Ни нового рецепта, ни золотого света — просто вещь, придуманная для дороги, наконец работала на дороге. Почему-то это радовало не меньше новой способности.

Позже, когда миски опустели, он действительно собрал их сам. Я показал ручей, объяснил про песок вместо мыла и отдельно предупредил не лить ледяную воду на раскалённый чугун. Рик удивился, зачем так беречь сковороду.

Я объяснил про температурный удар: горячий чугун от ледяной воды может треснуть. Рик посмотрел именно на эту сковороду, с моими кривыми инициалами. Я велел не каркать. Он провёл пальцем по буквам на боку и ничего не сказал. Просто стал мыть осторожнее.

К ночи туман вернулся. Днём он хотя бы давал разглядеть соседние деревья, теперь за костром начиналась белая стена. Мы поставили дежурства, разложили оружие так, чтобы никто не искал его на ощупь, и постарались устроиться. Бьорн несколько раз заявил, что отлично спит без палатки, после чего подвинулся почти вплотную к огню и завернулся в Вениаминово одеяло до носа.

Грета легла недалеко от меня. Нож положила под ладонь. Рик сначала устроился отдельно, потом, подумав, перетащил плащ ближе к общему кругу — совсем немного, на два шага. Никто это не прокомментировал.

Я уже начал проваливаться в сон, когда в тумане хрустнула тяжёлая ветка.

Не рядом. Но и не настолько далеко, чтобы списать на ветер.

Ларс, дежуривший у костра, поднял голову. Торвальд сел раньше, чем я успел открыть глаза полностью. Пару ударов сердца никто не говорил.

Из леса больше ничего не пришло.

Ларс подвинул полено носком, проверил тетиву и снова устался в туман. Я перевернулся на другой бок, стараясь не лечь на сковороду.

Глава 2. «Следы и яд»

Первым проснулся мой бок. Ночью я каким-то образом устроился между корнем, камнем и особенно мерзкой шишкой, которая исчезала каждый раз, когда я пытался найти её рукой, и возвращалась ровно в тот момент, когда я закрывал глаза. Костёр уже почти погас, над углями тянулся серый дым, а туман стоял по колено, пряча сапоги и нижнюю половину поваленного ствола. Ларс дежурил у края поляны, положив лук поперёк коленей. Заметив, что я сел, он поднял два пальца: всё спокойно.

Книга под рубашкой чуть шевельнулась. «Ты ворочался

полночи». Я сообщил ей про корень. Она, разумеется, предположила, что дело могло быть ещё в тумане, неизвестном звере и первой ночи в лесу, где нас уже успели посчитать добычей несколько видов местной фауны. Я подумал и остался при своём: корень тоже был виноват. Спорить с невыспавшимся человеком Книга не стала.

Бьорн проснулся под уцелевшим куском собственной палатки, который прикрывал ему голову и одно плечо; всё остальное торчало наружу. Гном долго смотрел на почерневшую ткань, потом спросил, можно ли её починить. Грета подняла край, и тот рассыпался у неё между пальцами. — Конечно. Дырку пришьём к пеплу. Ларс, сворачивавший плащ, поднял уцелевшие колышки: — Зато эти целы. По лицу Бьорна было видно: такой поддержки ему и не хватало.

Вениамин подошёл с запасным одеялом и предложил оставить его насовсем. Бьорн хотел привычно рывкнуть, но вместо этого потрепал его по плечу и постановил, что Вения купит новую палатку: большую, непромокаемую и обязательно негорючую. Вениамин осторожно спросил:

— А такие вообще существуют?

— Вот это теперь твоя научная проблема, — ответил гном. Судя по выражению лица мага, угроза сработала лучше любой ругани.

Пока остальные сворачивали лагерь, Рик подошёл ко мне с двумя грязными мисками и моей деревянной лопаткой. Он помнил вчерашний разговор лучше меня и спросил, с че-

го начинается обучение. По краю сковороды застыл жир. Я ткнул лопаткой в сторону ручья. Рик явно надеялся на нож, продукты или хотя бы что-нибудь, что выглядело как настоящее ремесло, но всё же пошёл.

Вода сводила пальцы холодом. Я показал ему, как сначала снять жир травой, потом пройтись влажным песком, почему деревянные миски нельзя драить до волокон и зачем вытирать нож сразу, а не вечером. Отдельно запретил совать горячий чугунок в ручей. Рик постучал ногтем по моей сковороде и недоверчиво спросил, правда ли она может треснуть. — Может. И стоит три серебрушки, так что если утопишь — нырять будешь сам. После этого он стал держать её заметно осторожнее.

На завтрак Торвальд отвёл четверть часа. Я даже не пытался спорить: хлеб, холодное сало, вода. Бьорн объявил такой набор не завтраком, а «оскорблением, после которого будет настоящий завтрак», однако свою долю съел первым. Затем Торвальд лично залил кострище, раздвинул пепел сапогом и проверил, не тлеет ли что-нибудь под мхом. От вчерашнего лагеря остались примятая трава, чёрное пятно от палатки и едва заметный запах затирухи.

Первые два часа лес вёл себя почти прилично. Птицы перекликались в кронах, где-то стучал дятел, под корнями шуршала мелкая живность. Потом звуки начали исчезать. Сначала я просто заметил, что давно не слышал птиц. Вскоре стало ясно, что не слышно вообще ничего, кроме наших

шагов, скрипа ремней и капель, падающих с ветвей.

Ларс остановился возле грязного участка тропы и присел. Следы там были: олень, мелкая лапа, ещё одна, совсем старая, полоска от хвоста. Свежих — почти ни одного. Бьорн спросил, в чём проблема. — В двухстах шагах ручей. Здесь обычно проходной двор. Ларс сказал это без тревоги, но Торвальд сразу посмотрел в сторону воды.

У ручья земля была вытоптана сильнее, однако и там свежих отпечатков было мало. Я набрал воду ладонью и почувствовал знакомое покалывание Чутья. Обычно оно отзывалось на еду: свежесть, жир, испорченную мякоть, правильный момент для переворота. Сейчас рядом не было ничего, что хотелось бы жарить, но ощущение оставалось. Я попробовал воду и понял, откуда это раздражение.

— Пустая.

Бьорн уточнил, не решил ли я теперь критиковать ещё и воду. Я объяснил: минерального вкуса почти нет. Колодезная вода Гурманграда тяжелее, на языке остаётся соль и камень, здесь — только холод. Грета присела рядом и попросила проверить ещё раз, а Ларс тем временем нашёл серый валун с тонкой белой коркой.

Я провёл пальцем по налёту и лизнул. Грета тут же стукнула меня по запястью. — Ты совсем? — Научный метод, — объяснил я. По её лицу стало понятно: если продолжу науку, второй эксперимент проведут уже на мне.

Соль на камне была, но слабая. Я лизнул второй раз, что-

бы убедиться. Книга немедленно поздравила меня с новой профессией — специалиста по облизыванию подозрительных минералов, а затем на полях всё-таки появилась полезная запись:

ЧУТЬЁ ПОВАРА — РАСШИРЕНИЕ. Различение минеральных следов.

До сих пор Чутьё умело отличать свежее мясо от испорченного и вовремя намекать, что сковороду пора снимать с огня. Теперь оно внезапно решило, что у воды и камней тоже есть состав. Я успел обрадоваться обновлению примерно на полсекунды, после чего Книга приписала мелко: «РАСШИРЕНИЕ, А НЕ ЛИЦЕНЗИЯ НА ПОЕДАНИЕ ГЕОЛОГИИ». Грета заглянула через плечо и признала это самой полезной частью способности.

Ларс провёл пальцем по серому камню.

— Раньше соли здесь проступало больше. Звери приходили лизать постоянно.

Торвальд кивнул. Под лесом тянулись старые жилы, не такие богатые, как в Соляных топях, но достаточно большие, чтобы вода и растения годами тянули из них минералы. Последние несколько лет всё менялось: жилы беднели, звери уходили с привычных троп, иногда становились агрессивнее. Для меня это звучало как рецепт, из которого понемногу убирают обязательный ингредиент, а потом удивляются, почему всё остальное тоже пошло не так.

— Соль не может просто исчезнуть, — сказал я.

— Ты в Сапории недавно, — отозвался Бьорн. — Здесь фраза «не может» обычно означает, что сейчас покажут, как именно может.

Торвальд оборвал разговор. Мы пришли за Рогачом, а не расследовать соляную геологию. Ларс тихо добавил: «Пока», — и это прозвучало хуже длинной речи.

Дальше строй уплотнили. Ларс шёл первым, Бьорн и Грета держали стороны, Рик замыкал строй, Вениамин — рядом со мной. Веня сперва обрадовался новому месту. Я уточнил причину перестроения: наиболее вероятный источник лесного пожара должен быть под рукой. Энтузиазм заметно уменьшился.

Через час Ларс остановил нас у дерева с содранной корой. Четыре борозды тянулись почти вертикально на высоте, куда я дотянулся бы только встав на Бьорна. След был старый. Внизу, на сучке, зацепился комок чёрной жёсткой шерсти. Грета сняла его кончиком ножа и дала понюхать.

Влажная земля, старая кровь и очень слабая терпкая сладость. Не варенье и не обычный мёд — запах свежих сот, когда их ломают прямо в улье. Книга шевельнулась, но не написала ничего. Торвальд осмотрел волосок и сказал лишь, что след может принадлежать Рогачу. Ларс напомнил: старый. Торвальд вернул находку и махнул двигаться дальше.

Меняхватило минут на пять. — Почему следов нет? Ларс показал на твёрдую землю. Про запах Бьорн заявил, что зверь пахнет десертом и, если мне так легче, можно считать

это хорошей новостью. Не стало легче, зато спорить расхотелось.

Ещё дальше мы нашли остатки старой солевой кормушки: два камня и сгнившую колоду между ними. Звери когда-то вылизали углубления до гладкости, но свежих следов почти не было. Рик предположил, что они нашли другое место. Ларс покачал головой: возможно, не нашли. Исчезновение соли перестало выглядеть просто странностью и начало походить на причину, по которой лес меняет привычки.

За кормушкой сохранилась узкая звериная тропа. Ларс прошёл по ней десяток шагов и вернулся с куском старой оленьей шерсти на пальцах. Трава вокруг была выедена почти до корней, на коре нескольких кустов виднелись следы зубов. — Голодные? — Рик присел возле колоды. Ларс покачал головой: звери начинают грызть кору и землю, когда привычных солонцов не хватает. Бьорн вспомнил коз у себя на родине, которые в таком состоянии лизали стены кузницы. Получалось, лес не голодал в человеческом смысле — он просто начинал есть то, что раньше едой не считал. Мне эта формулировка совсем не понравилась.

Книга молчала уже подозрительно долго. — Не уснула? «Нет. Слушаю». — Что? После паузы: «Слишком мало слышу». Мне окончательно захотелось обратно к рынку, где тишина означала максимум закрытую лавку, а не возможное присутствие огромной твари.

Ларс вскинул руку так резко, что Бьорн чуть не врезал-

ся ему в спину. Справа лежала гряда больших валунов, между ними росли низкие кусты. Ничего не двигалось. Под ближайшим камнем вдруг тихо зашуршало.

— Назад.

Красная змея вылетела из щели прямо на Грету. Нож появился у неё в руке раньше, чем я успел вдохнуть: короткий удар под голову, тело падает у сапога, пасть продолжает щёлкать. Я ещё смотрел на неё, когда из-под камней полезли остальные.

Их было слишком много.

Торвальд не стал объяснять ситуацию. Назвал места: круг, Бьорн вправо, Грета влево, Ларс держит камни, Рик — тыл, Вениамин в середину. Мне велели держаться рядом с Веней. Змеи были длиннее человеческой руки, толстые, красные с чёрными пятнами и двигались неприятно быстро — не ползли, а словно выстреливали собой из складок земли.

Бьорн встретил первую топором, вторую пнул сапогом и успел назвать обеих «недожаренными колбасами». Ларс стрелял сверху вниз, Торвальд работал копьём коротко и без красивых замахов. Рик отступил к нам с двумя ножами; держал их слишком высоко, лицо побледнело, но спиной к лесу он уже не повернулся.

Я сам первые секунды вообще не был бойцом. Сковорода висела на поясе, нож был в рюкзаке — исключительно гениальное решение человека, который собирался в лес на охоту. Когда одна змея проскочила между Гретой и камнем, я дёр-

нул чугун за ручку и ударил плашмя. Получилось громко, больно и почти бесполезно: тварь отлетела, перевернулась и опять подняла голову. Зато теперь я точно знал, что сковорода способна пережить встречу со змеей лучше моей кисти.

Грета добила её ножом и тут же развернулась к следующей. Боковой шип скользнул по её левой перчатке. Я увидел тёмную полосу на коже и успел испугаться, но Грета даже не остановилась. — Потом! — бросила она, заметив мой взгляд. Я бы поспорил, если бы не новая пасть перед лицом.

Рик в это время тушил мох своим плащом. Когда его сбила змея, он не пополз к безопасному месту — схватил тварь руками. Решение было ужасное, техника ещё хуже, но несколько секунд он её удерживал и орал Вене, чтобы тот наконец жёг.

Вениамин застыл. Искры на пальцах вспыхивали и гасли. Я велел не пытаться сжечь весь лес — взять одну змею. Он спросил, как. — Как вчера с костром. Меньше силы, больше контроля. Змея прыгнула раньше, чем он успел собраться. Веня выбросил руки, пламя ушло широко, я толкнул его кисти вверх. Огонь прошёл над Риком, задел нижние ветви и ударил в тварь, а заодно схватил сухой мох.

Торвальд рывкнул тушить. Рик сорвал плащ и накрыл огонь. Вениамин побледнел: он уже видел вчерашнюю палатку, только теперь вокруг были деревья. Я схватил его за плечо. — Не пожар. Пламя. Смотри на своё пламя. Сделай меньше. Ты уже делал.

В этот момент другая змея ударила Рика в бок и сбила с ног. Грета бросила нож, попала в шею, но тварь ещё двигалась. Рик перехватил её обеими руками под головой и заорал Вениамину. Маг замер, глядя на его пальцы и клыки в нескольких сантиметрах от лица, потом вытянул руку.

Белая огненная нить ударила точно под голову змеи. Рик отпустил её и откатился. На лице Вениамина появилось почти детское удивление.

Я велел повторить так. Вениамин кивнул.

Справа Бьорн взревел. Одна змея отвлекла его, вторая вылетела из-под камня и вцепилась в предплечье. Гном дважды ударил её обухом и сорвал с руки. На коже остались две глубокие дырки, края быстро потемнели.

Ларс крикнул перетянуть. Рик уже был рядом с ремнём. Бьорн потребовал ту же, Рик предупредил, что так можно оставить его без руки. — Лучше без руки, чем совсем мёртвым. Гном сказал это сквозь зубы, и спор на этом закончился. Из раны пополз тонкий пар. Запахло перцем, кровью и железом.

Книга раскрылась сама. На странице возникло одно слово: «Плохо». — Насколько? Чернила побежали дальше: жар идёт вверх по крови, если дойдёт до плеча, дальше будет быстро. — Что делать? Ответа не было.

Я позвал Книгу. Она ответила: «Не знаю». Без шутки. Поэтому поверил сразу.

Змея метнулась к Вениамину. Я шагнул между ними и по-

чувствовал жар в правой руке. На рукаве осталось жирное пятно от вчерашней затирухи — обычная грязь, которую я собирался отстирать. Теперь оно засветилось золотом. Я не придумал заклинания, не произнёс слов, просто толкнул тепло туда, где раскрывалась змеиная пасть.

Раскалённые капли сорвались с ткани и ударили тварь в морду. Она завизжала. Одна капля отлетела обратно и попала мне на ладонь. Кожу прострелило болью.

На странице вспыхнули строки:

ШКОЛА ЖАРКИ — НАЧАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ. БОЕВОЙ ЖАР. Проводник: существующий жир или масло. Обратный выброс возможен.

Я сообщил Книге, что последнюю строку стоило поставить первой. Она ответила совершенно справедливо: сама узнала её одновременно со мной.

На поясе висел пузырёк с топлёным салом — последний нормальный жир на ужин. Секунду я действительно подумал о запасах. Ещё одна змея прыгнула к Рику, и вопрос меню закрылся сам. Я плеснул сало на сковороду, направил Жар и махнул широкой дугой.

Две змеи получили раскалённым жиром. Моя ладонь — второй ожог. Сковорода выпала, Грета поймала меня за пояс и дёрнула назад. Она потребовала показать руку. Я сказал: потом. По её лицу понял, что за это «потом» мне ещё предьявят счёт, но сейчас она только подняла сковороду и сунула её в здоровую руку.

— Я погоню к тебе. Не промахнись.

Торвальд услышал и перестроил нас без обсуждений. Вместе с Ларсом он удерживал верх, Вениамин тонкой линией огня отрезал правый край, Грета выдавливала змей на мою сторону, Рик остался прикрывать Бьорна. Красиво не было. Веня дважды погасил огонь слишком рано, я один раз плеснул жир мимо, Грета поскользнулась на крови и выругалась так, что Бьорн одобрительно хмыкнул. Но змей становилось меньше.

Последнюю Торвальд прижал копьём к земле. Она билась ещё несколько секунд, потом затихла. Вениамин сам залил тлеющий мох водой, проверил ладонью землю и пролил ещё раз. Вчера после палатки он ждал бы указаний. Сейчас закончил, встряхнул обожжённые пальцы и лишь тогда оглянулся на остальных.

Первым тишину нарушил Бьорн. Он сглотнул, прикрыл глаза. — Плохо. Очень.

Он сидел у ствола. Лицо стало багровым, под кожей от локтя вверх тянулись тёмные полосы. Рик всё ещё держал ремень, пальцы дрожали, но хватку он не ослаблял. Я опустился рядом. Обожжённая ладонь пульсировала так, будто в ней билось отдельное сердце, но этим можно было заняться позже.

— Змею сюда.

Грета подтащила целую тушу. Я осторожно надавил щепкой на железу за клыками. Красноватая капля упала на тра-

ву, та зашипела. Яд пах жгучим перцем и металлом.

— Он разгоняет жар. Тело само себя варит.

Бьорн приоткрыл глаз. — Ещё раз сравнишь меня с супом — убью.

— Живи, тогда обсудим.

Грета уже вскрывала брюхо. Под красными мышцами шли синеватые протоки. Книга начала рисовать схему прямо на странице, и некоторые места оставались пустыми — она не знала строение змеи заранее, а разбиралась вместе с нами.

На странице возникло: «ЯДОВИТЫЕ ПРОТОКИ. НЕ ПОВРЕЖДАТЬ». Ниже — «ИЩИ ХОЛОД». Очень содержательно.

Грета отвела край печени, и под ней показался светлый вытянутый мешочек. От него пахло холодным камнем и водой. Книга предположила, что железа не даёт змее свариться от собственного яда. Именно предположила.

— Значит, противоядие внутри змеи? «Возможно». Поддерживать она умела.

Грета сняла железу целиком и положила на чистую ткань. Чутьё подсказывало остальное не словами: кислота, чистая мышца подальше от синих протоков, слабый нагрев. Я увидел на соседнем дереве мелкие зелёные яблоки и послал за ними Рика.

Вениамин понадобился снова. Он побледнел, когда услышал слово «огонь», но я попросил не бой, а свечу. Маленькую. Ровную. — Я никогда так мало не делал. — Самое

время. Первый язычок вышел слишком сильным, второй он уменьшил до синей точки размером с ноготь.

Рик вернулся с яблоками. От сока свело челюсти — настолько он был кислым. Мы выжали его в металлическую кружку, разбавили водой, добавили содержимое охлаждающей железы. Над смесью появился белёсый пар. Грета срезала полоску чистого мяса и опустила внутрь.

На странице появилось предупреждение: «НЕ КИПАТИТЬ». Следом — второе, на случай моего характера: «Я СЕРЬЁЗНО».

Я снял кружку до первых пузырей и процедил жидкость через ткань. Отвар вышел мутным, красноватым и пах так, словно яблоки неделю хранили в старом сапоге.

Бьорн понюхал кружку и отказался. Я настоял. Он объявил отвар мезью и предпочёл бы умереть. Я напомнил про зря потраченные яблоки. Гном выругался и выпил.

Сначала не произошло ничего. Потом его вырвало. Рик отшатнулся, Торвальд схватил меня за плечо.

— Что происходит?

— Если бы я знал, уже сказал бы.

Бьорна затрясло, изо рта пошёл белый пар, кожа вокруг укуса покрылась инеем.

На миг я был уверен, что убил его быстрее яда. Тёмные полосы наконец остановились и начали бледнеть.

Бьорн открыл глаза.

— Холодно.

Я сел прямо в мокрую траву и впервые за последние минуты нормально вдохнул.

Я назвал это отличным признаком: Бьорн снова мог жаловаться.

На странице проступил рецепт:

РЕЦЕПТ СОЗДАН: «ОТВАР ПРОТИВ ПЕРЕЧНОГО ЯДА». Качество: экспериментальное. Эффект: нейтрализация перечного яда. Побочные эффекты: рвота, озноб, сильная неприязнь к приготовившему.

Бьорн прочитал последнюю строку через моё плечо. — Вот это у тебя впервые точная система.

Торвальд проверил пульс, Ларс ослабил ремень. Рик сидел рядом, всё ещё держа пустую миску из-под яблок.

— Я хоть что-нибудь сделал нормально?

Бьорн не открыл глаз.

— Ремень затянул так, что чуть без руки не оставил.

Рик уже успел расстроиться, когда гном добавил:

— Значит, нормально. И яблоки вовремя принёс.

Рик ничего не ответил. Только переставил миску подальше от ног.

Я прислонился к дереву. Вокруг лежали красные змеи, половина мха была вытоптана и обуглена, Бьорн дышал белым паром, Вениамин рассматривал ладонь, которой только что удерживал огонь тоньше пальца, а моя собственная рука постепенно превращалась в один большой ожог.

Торвальд сразу разделил оставшуюся воду: часть Бьорну,

часть на ожог, остальное — в закрытые фляги. До следующего ручья никто ничего не тратит без причины. Ларс собрал целые стрелы, Грета проверила змеиные укусы ещё раз, а я завернул обожжённую ладонь так, чтобы ткань не прилипла к коже. Победа над ядом заняла несколько минут, уборка после неё — почти час.

Ларс отыскал в траве мою деревянную ложку, вытер её о штаны и положил возле котелка. Я понятия не имел, когда успел её потерять.

Глава 3. «Корочка ичужой след»

Когда Бьорн перестал умирать достаточно активно, чтобы опять начать ругаться, Грета отобрала у меня правую руку и развернула ладонью вверх. Я попытался сообщить, что там ерунда. Она посмотрела на пузыри, уже наливавшиеся на двух пальцах, потом на меня и сухо сказала: — Неплохо. Я поблагодарил. Грета уточнила, что это не похвала. Было поздно: я уже принял.

Пока она искала в сумке зелёную мазь, я заметил кровь

на её левой перчатке. На тыльной стороне кисти проступило тёмное пятно. Теперь уже я потребовал снять перчатку, а она потребовала сначала дать ей обработать мой ожог. Мы успели всерьёз поспорить, хотя рядом после смертельного яда лежал гном. В конце я предложил лечиться одновременно. На вопрос «как?» ответа у меня, конечно, не нашлось, зато звучало взрослее, чем «я первый».

Грета всё-таки сняла перчатку. Боковой шип змеи рассёк кожу, но рана выглядела чистой: без потемнения и жара, как у Бьорна. Она промыла её сама и сунула мне ткань. Одной рукой завязать нормальную повязку было сложнее, чем направить кипящее сало в ядовитую тварь; после второй попытки Грета молча отобрала бинт и закончила за меня.

Затем пришла очередь моей ладони. Мазь пахла травами и чем-то аптечным, зато холодила так приятно, что я чуть не застонал. — Мясники часто обжигаются? — Режутся чаще. — Очень успокаивающая профессия. — Мы стараемся. Она затянула узел и проверила пальцы.

Отпускать запястье Грета не спешила. Напомнила, что сначала я полез перед Риком, потом перед Веней, а закончил тем, что облил себя кипящим жиром. Я попробовал свести последнее к технической ошибке. — У тебя всё техническая ошибка, пока кто-нибудь не умер, — сказала она.

Шутка уже крутилась на языке, удобная и привычная, но не вышла. Её перевязанная кисть лежала между нами. — Мне не нравится, когда это твоя кровь. Несколько секунд

Грета молчала, затем пальцы на моём запястье сжались чуть сильнее. — Тогда не заставляй меня смотреть на твою.

Грета отпустила моё запястье только после того, как ещё раз проверила повязку. Я успел открыть рот.

Бьорн разрушил момент самым естественным способом. заявил, что всё ещё замерзает и, если мы закончили лечить друг друга глазами, можно вспомнить о человеке в критическом состоянии. Торвальд проверил ему пульс и приказал лежать ещё четверть часа.

— Я тут уже вечность лежу.

— Двенадцать минут, — уточнил командир.

С таким подходом трагедии долго не жили.

Вениамин сидел неподалёку и рассматривал ладонь, которой только что удерживал тонкую нить огня. Рик собирал вещи с прожжённого плаща. Веня извинился за дыру. Рик перевернул ткань, посмотрел на почерневший круг и предположил, что это, наверное, моль. Вениамин сперва поверил, потом понял шутку и засмеялся слишком громко. Рик тоже. Я сделал вид, что не слушаю.

Торвальд прошёл по всем: проверил бок Рика, ожог Вениамина, Гретину кисть и мою повязку. Ларс собрал стрелы, погнутые отложил отдельно. Вскоре перед костром лежали бинты, сломанные древки и список того, чем сегодня лучше не пользоваться. Бьорн потребовал внести в список змей.

Пока я спорил со сковородой и собственными пальцами, лагерь после боя понемногу собирался обратно из хаоса.

са. Ларс вытащил стрелу из ствола и долго выпрямлял древно над коленом; Торвальд связал две змеи за хвосты и оттащил подальше от воды; Рик сложил грязные ножи отдельно от чистых, хотя вчера я ещё объяснял ему, почему это важно. Вениамин нашёл свой обгоревший край плаща, понюхал и чихнул. Все одновременно повернули к нему головы. Маг застыл с таким лицом, будто сейчас его казнят. Ничего не загорелось. Бьорн закрыл глаза и пробормотал: — Уже праздник.

— Едим, — сказал я.

— Не рано? — спросил Торвальд.

— Самое время. Пока все ещё помнят, что голодные, а не начали доказывать, что способны идти дальше.

Бьорн поднял из-под одеяла палец.

— Я уже начал геройствовать.

Сковорода была в земле, в засохшем жире и с листом, прилипшим к краю. Боевой инструмент снова требовалось сделать кухонным, и эта простая задача успокаивала. Рик без просьбы принёс воду, Грета — влажный песок. Мы сняли грязь, ополоснули чугунок и несколько минут прокаливали над слабым огнём, пока не ушла влага.

Книга открылась на схеме перечной змеи. Красным были отмечены железы и ткани вдоль синих протоков, золотым — мышцы, которые можно использовать после кислой обработки. Внизу появилось сухое: «НОВЫЙ РЕЦЕПТ ВОЗМОЖЕН». Я попросил хотя бы раз написать «гарантированно

безопасно». Книга предложила сначала найти лабораторию. Я напомнил, что у меня есть сковорода. «Это заметно».

Я выбрал три туши с целыми ядовитыми железами. Грета сразу разделила ножи: один для опасных тканей, второй чистый. Всё, что снимала вокруг желез и протоков, складывала на отдельную ткань. Рик сидел рядом и следил так внимательно, что почти не моргал.

— Не забывай пока, как режу, — сказала ему Грета. — Сначала забывай, куда не лезть. Красиво резать научишься. Отрастить новую руку сложнее. Рик покосился на мою перевязанную ладонь. — Эта лекция сегодня всем, — заметил я.

Когда опасные части были убраны, Грета протянула ему чистый нож. Первая полоса мяса вышла кривая и толстая, зато пальцы остались на месте. Вторая — заметно лучше. «Уже похоже на мясо», — сказала Грета. Рiku этого хватило: он расплылся в улыбке так, будто получил знак гильдии.

Я давил зелёные яблоки плоской стороной ножа. Сок был злой, почти уксусный. Добавил немного воды, щепоть соли и травы Магды. После пустой воды у ручья каждая крупинка соли ощущалась уже не просто приправой, а запасом, и рука сама остановилась раньше, чем обычно.

Мясо легло в кислый сок и быстро посветлело. На поверхности появились мелкие пузырьки.

— Шипит, — заметил Вениамин.

— Хорошо бы вместе с этим ушёл металлический запах.

Книга тут же вставила: «Если». Я велел ей не каркать. Рик фыркнул: опять портит человеку уверенность. Этим она и занималась лучше всего.

Металлическая нота уходила постепенно. Я проверял каждый кусок отдельно, не торопясь. Чутьё работало яснее, чем утром у камня: там оно показывало отсутствие, здесь — остаточную опасность. Пока мясо пахло железом, внутри неприятно царапало. Когда запах исчезал, отпускало.

Жир взял только из безопасной части брюха и тоже вымо-чил отдельно. Вениамин держал обычный огонь. Я просил сильнее — он добавлял, просил убавить — убавлял. После вчерашней палатки и сегодняшнего пожара ему хотелось после каждого движения спрашивать, всё ли правильно, но я отвечал, только когда действительно было что исправлять. Постепенно он перестал смотреть на меня и начал смотреть на пламя.

Жир на сковороде растаял медленно. Запах удивил: ореховый, с лёгкой травяной сладостью. Рик потянулся положить первый кусок прямо из миски, и я остановил его. Мокрое мясо будет тушиться, а нам сегодня нужна корочка. Он вытер полоску тканью гораздо тщательнее.

Сковорода нагрелась, жир пошёл тонкими волнами. Первый кусок лёг на чугун и зашипел так яростно, что Бьорн приподнялся под одеялом и объявил: наконец-то нормальные звуки. Я напомнил, что он недавно собирался умирать. — Передумал, — сообщил гном и снова улёгся.

Остальные полоски я выкладывал с промежутками. Рик без подсказки убрал лишний кусок обратно в миску, чтобы не забивать всё дно. Первый ломоть я не трогал, пока он сам не отпустил сковороду. Рик дважды тянулся к краю и дважды одёргивал руку. — Тяжело? — Очень. — Вот. Уже учишься главному. Он предположил: терпению. Я поправил: не мешать еде.

Первая сторона стала золотистой, по краям появилась тонкая тёмная корочка. Я перевернул мясо и добавил раздавленные яблочные дольки. Сок ударил в горячий жир, зашипел и почти сразу начал густеть; прозрачная кислота стала янтарной глазурью, собрала со дна мясной сок и облепила края ломтиков блестящей плёнкой. Запах крови и яда отступал слой за слоем: сначала его перебил жареный жир, потом кислое яблоко, потом дым. В какой-то момент поляна пахла уже не разделанной ядовитой тварью, а едой, и даже Бьорн перестал жаловаться на холод.

Грета рядом резала хлеб одной рукой. Я попросил отдать нож. Она посмотрела на мою повязку и заметила, что у меня тоже одна рабочая рука. Я напомнил, что являюсь начальником кухни. Грета оглядела трупы змей, мокрый мох, обугленный камень и Бьорна под одеялом. — Очень плохая кухня. — Зато открытая. — Слишком. Хлеб всё же отдала.

Травы пошли в самом конце, чтобы не сгорели. Я снял сковороду и накрыл деревянной тарелкой. Объяснение про отдых мяса вызвало у Бьорна глубокое личное возмущение:

он лежит после яда и не отдыхает, а змея, значит, имеет право. Я пообещал ему обсудить социальную несправедливость после ужина.

Через несколько минут первым попробовал я — по технике безопасности, после того как из того же зверя мы недавно варили лекарство. Глазурь на краю хрустнула тонкой липкой корочкой; под ней мясо осталось сочным и упругим, но уже без той резиновой плотности, которую обещала сырая змея. Сперва язык свело яблочной кислотой, затем пришла сладость орехового жира, а уже после собственная перечная острота мяса разошлась тёплой волной по языку и горлу. Самым приятным было отсутствие металла — ни во вкусе, ни в запахе. Я прожевал и подождал.

Ничего плохого не происходило. Я съел второй кусок уже потому, что первый понравился.

— Жив.

Грета назвала отзыв исчерпывающим.

— И вкусно, — добавил я.

На этот раз я не стал раскладывать каждому одинаковые идеальные куски. Бьорну достались два самых толстых — ему нужно было отогреться; Вениамину я дал меньше мяса и больше хлеба, потому что после магии его мутило; Рикку сунул тот ломоть, который он резал сам, пусть даже края вышли кривыми. Ларс выбрал поджаристый кусок без глазури и тут же ушёл к краю поляны, продолжая есть на посту. Торвальд взял то, что осталось сверху, даже не посмот-

рев. Грета, заметив распределение, сказала только: — Наконец-то используешь голову не для шуток. Я хотел ответить, но решил, что такая похвала тоже редкий ресурс и лучше не портить.

Бьорн немедленно протянул миску. Он жевал подозрительно долго, и я приготовился к традиционному «сойдёт». Вместо этого гном сказал: — Хорошо. Я переспросил, потому что такой исторический момент требовал фиксации. Бьорн сразу передумал и вернулся к безопасному «сойдёт». Мир опять стал понятным.

Грета ела без хлеба. После первого кусочка взяла второй и на мой вопрос об остроте ответила просто: нормально. Для человека, который только что пробовал мясо магической ядовитой змеи, комментарий был скучноват, но Грета не занималась ресторанным критиком.

Рик долго рассматривал свой ломоть.

— Я его резал.

— Один из кусков.

— Кривой?

Самый кривой Бьорн уже успел съесть, чем вызвал возмущённое «эй» из-под одеяла. Рик рассмеялся, попробовал и после паузы сказал:

— Не испортил.

— Не испортил.

— Значит, ещё дадут?

Я пообещал: если завтра найдём что-нибудь, что не пыта-

ется нас убить, получит целую работу.

Вениамин ел маленькими кусочками. После третьего перестал держать плечи поднятыми. Ларс привычно понюхал мясо перед тем, как съесть. Торвальд взял своё стоя и только после второго ломтя сел к огню.

Еда подействовала без фейерверков. Бьорн перестал дрожать так сильно и откинул одеяло от подбородка. Вениамин наконец расслабил руки. У меня ушла мелкая дрожь в пальцах после боли и выброса магии. Книга вывела на полях два коротких эффекта: «ВНУТРЕННЕЕ ТЕПЛО» и «ПОСЛЕ БОЯ».

Бьорн заметил, что я читаю, и запретил рассказывать кому-либо, что его спасла змея. Я напомнил: вообще-то спас его мой отвратительный отвар. Гном запретил рассказывать тем более. Я пригрозил написать балладу. Он пообещал убить. Вот это звучало уже гораздо здоровее.

Бьорн попросил добавку, Веня обжёг язык, Рик спорил, какой из кусков нарезал он, а Грета отобрала у меня нож, потому что одной рукой я действительно резал хуже ученика. К тому времени запах еды уже перебил кровь.

Книга дождалась, пока я доем, и вывела рецепт:

РЕЦЕПТ СОЗДАН. «Перечная змея в глазури из диких яблок». Редкость: необычная. Эффекты: внутреннее тепло; ускоренное восстановление после нагрузки; слабое усиление слаженности группы. Обязательное условие: кислотная обработка до полного исчезновения металлического запаха.

Я перечитал запись дважды. Не потому, что не понял: за последние часы Книга чаще писала «не знаю» и «возможно», чем что-либо уверенное. А теперь у опасной туши, которой мы сначала спасали Бьорна, появилось имя блюда, понятный эффект и — что важнее — обязательная граница безопасности. В Сапории это вполне тянуло на хорошую новость.

Ниже появилась ещё одна строчка: «ЖАРИТЬ СМЕЛЕЕ. ЛЮБИТ КОРОЧКУ». — Твоя работа? Книга признала рецепт, но от последней фразы отказалась. Шуткой не пахло.

Сковорода лежала у моих ног. Я поднял её, повернул к свету и увидел тонкую тёмную линию от края к центру. Ноготь зацепился.

Трещина. Небольшая, но настоящая.

Я выругался. Грета спросила, что случилось, я показал. Она провела пальцем по линии и ничего не сказала. Сейчас у нас и без посуды хватало проблем.

Ларс уже не ел. Он ходил между телами змей, переворачивал их сапогом и изучал землю. Поднял одну тушу за хвост и коротко сказал: — Это не мы.

На боку шли четыре старые рваные полосы. На второй змее нашлись такие же, у третьей — прокол глубже, чем мог оставить наш нож. Грета определила когти. Ларс кивнул и направился к валунам.

За ними открылась узкая ложбина. Мы пошли следом, кроме Бьорна, который остался у дерева и громко возмущался дискриминацией раненых. В мягкой земле тянулись зме-

иные следы — много, все в одном направлении, к месту нападения. По краям появлялись другие отпечатки. Большие.

Ларс расчистил один ладонью. Лапа, четыре длинных когтя, а в центре — раздвоенная отметина, похожая на копыто. Размером почти с мою сковороду. Грета уточнила, свежий ли след. Ларс ответил одним словом: «Очень». Когда она спросила насколько, он посмотрел туда, где лежали змеи. — Был здесь во время боя.

Во рту у меня ещё оставался вкус яблока и перца. Он вдруг стал совершенно неуместным.

Торвальд прошёл вдоль ложбины. След появлялся только на мягкой земле, но рисунок повторялся: крупный зверь двигался по сторонам от змей, не подходя вплотную. Несколько тварей были ранены ещё до встречи с нами.

Рик первым сказал вслух то, о чём мы все подумали:

— Их сюда загнали.

— Похоже, — коротко ответил Ларс.

— Зачем? — спросил Вениамин.

Торвальд сразу остановил попытку придумать мотив: мы не знаем, значит, не называем это проверкой, ловушкой или помощью. Пока есть только факт — змеи пришли к нашей тропе не случайно, а Рогач был достаточно близко, чтобы видеть бой.

Возле самого отпечатка нашлась ещё одна странность. На мягкой земле рядом с лапой лежала раздавленная перечная змея, но не разрубленная и не обожжённая: позвоночник был

сломан одним давлением сверху. Ларс приложил ладонь к вмятине и покачал головой. Бьорн со своего места крикнул, что, если у Рогача лапа размером со сковороду, не стоит проверять, что он умеет ею делать. В этот раз никто не пошутил в ответ.

Чуть дальше отпечатки исчезали на камнях, зато на нижней ветке осталась чёрная шерсть. Та же жёсткая, сладковато пахнущая, что мы нашли раньше. Я не стал нюхать второй раз: уже знал. Грета завернула волосок в кусочек ткани и убрала к себе. — В городе покажем тем, кто разбирается. Торвальд не возразил. Получалось, мы шли за зверем второй день, а из надёжных доказательств его существования у нас были след, шерсть и стая змей, которую он зачем-то привёл к людям.

Книга раскрылась сама. «Не додумывай за него». Я похвалил редкий полезный совет. Она добавила: «Но он мог вмешаться и не вмешался». Я спросил, должно ли это успокаивать. «Нет». Честный ответ.

С поляны донёсся голос Бьорна: не нашли ли мы там ещё что-нибудь ядовитое. Рик крикнул, что нашли след Рогача. Гном поинтересовался, съедобный ли он. Я сказал Грете, что за это и люблю гномов: обычный человек испугался бы. — Он испугался, — ответила она. — Просто не хочет, чтобы страх испортил ему характер.

Когда вернулись, Бьорн попытался встать и тут же сел обратно. Торвальд постановил делать носилки. Гном возмутил-

ся: он не мешок с мукой. Рик предложил считать его бочкой пива. После короткого размышления Бьорн признал такую формулировку более достойной.

Носилки сделали из двух молодых жердей и той самой обгоревшей стенки палатки, которую утром Бьорн ещё собирался чинить. Вениамин увидел ткань и снова начал извиняться, но гном остановил его. — Вчера была палаткой. Сегодня носилки. Хорошая вещь должна работать. Я почему-то запомнил эту фразу без всякой помощи Книги.

Груз перераспределяли под руководством Торвальда. Бьорн не хотел отдавать топор, Рик не хотел оставлять его на носилках, Вениамин считал, что может взять ещё два рюкзака, хотя под своим уже ходил буквой «Г». В итоге топор достался Рику, часть вещей — Вене, еда — мне и Грете. Ларс забрал верёвку и инструменты. Бьорн проверил каждый узел и нашёл три причины для недовольства.

Он предупредил, что если свалится, первым прийдёт повара. — Почему меня? — Ближе всех. Спорить с такой логикой я не стал.

Грета подтянула ремень моего рюкзака и заявила, что носилки я не несу. Я демонстративно поднял здоровую руку. Она посмотрела на больную. Возражение умерло само.

Перед уходом я ещё раз вернулся к впечатку. Вода уже собиралась на дне, края понемногу осыпались. Через час останется обычная грязная яма. Если бы мы пришли позже, можно было бы решить, что никаких когтей и раздвоенной

отметины вообще не существовало.

Книга написала: «Он тебя не съел».

— Пока? Чернила долго не двигались.

«Вот это и странно».

Грета увидела моё лицо и спросила, что случилось. Я пересказал. Она посмотрела в лес, затем на мою руку. — Значит, не расслабляйся. Я уточнил: и всё? — А что ещё? Подумал и понял, что ничего.

Первые минуты с носилками превратились в отдельный вид наказания. На ровном месте всё работало, но стоило тропе пойти между корнями, как передний носильщик поднимал Бьорна, задний запаздывал, и гном начинал объяснять устройство человеческого скелета такими словами, которых я раньше не слышал. Через третий корень Торвальд поменял людей местами и заставил идти медленнее. Бьорн возмутился, что из-за него мы теряем время. Торвальд ответил: ещё больше потеряем, если он свалится и сломает вторую руку. На этом стратегический спор закончился.

Мы пошли дальше шагом человека, который несёт на носилках злого гнома. Бьорн лежал на них и каждые пять минут требовал поставить его на землю. Рик нёс его топор. Вениамин шагал рядом и время от времени смотрел на свои ладони, словно пока не решил, доверяет ли им. Ларс снова исчез впереди.

Первую остановку сделали раньше, чем хотелось. Не из-за Хозяина — из-за нас. Носильщики поменялись, Бьорну дали

воды, я проверил повязку на ладони, Грета — свою кисть. Рик успел натереть плечо чужим топором и переставил ремень на другое плечо. Через пять минут Торвальд поднял ладонь, и мы опять потащили носилки между корнями — медленнее, чем утром, зато без новых пострадавших.

Через несколько сотен шагов я всё-таки оглянулся. За нами оставались мокрые листья, туман и следы сапог.

— Под ноги, — донеслось с носилок. Бьорн даже не открыл глаз.

Глава 4. «Ночной костёр»

К вечеру Бьорн снова начал ругаться на всё подряд, и впервые за день это меня обрадовало. Пока яд держал его за горло, гном экономил даже слова; теперь он успевал одновременно проклинать носилки, корни, Рика с его «слишком мягкой походкой» и Торвальда, который каждые полчаса объявлял привал, хотя никто, конечно, не произносил вслух, ради кого именно мы останавливаемся. На третьем таком привале Бьорн потребовал поставить его на ноги, сделал

два уверенных шага, на третьем промахнулся мимо камня и сел плечом в дерево. После короткой паузы велел дереву не качаться. Дерево стояло как стояло. Я решил, что пациент идёт на поправку.

— Только скажи это вслух, — предупредил Бьорн, не открывая глаз, — и я тебя прибью.

— Чем? Топор у Рика.

Он открыл глаза. Рик, шедший сзади, тут же перехватил топор обеими руками и невольно прижал к груди. Судя по лицу Бьорна, я нашёл единственную тему, способную поднять ему давление без лекарств.

— Не трогай лезвие ладонью, — буркнул он. — И ремень не перекручивай. И вообще дай сюда.

Торвальд впереди ответил Бьорну коротким «нет». Гном проводил его взглядом и объявил происходящее заговором. Я уточнил: международным, против бородатых. Бьорн пообещал запомнить, значит, память тоже возвращается.

Грета шла рядом и сделала вид, что не слушает. Получилось плохо: угол рта всё-таки дёрнулся. У меня самого настроение было хуже, чем язык. Обожжённая ладонь под повязкой ныла при каждом движении пальцев; новая Жарка уже успела доказать, что магия умеет одинаково хорошо жарить врагов и владельца. Я попробовал сжать кулак, тут же разжал и перестал испытывать судьбу. Если бабушка когда-то и мечтала, что её внук станет поваром, вряд ли она представляла меня шагающим по чужому лесу с ожогом от

собственного сала и разговаривающим с гномом, которого мы тащили на обгоревшей палатке.

Хуже всего было не это. Хозяин не показывался. Ларс несколько раз находил знакомый след — широкая лапа, длинные когти, раздвоенная отметина в середине, — но каждый раз отпечатки обрывались на камне или жёсткой земле. После змей хотелось хотя бы понимать, где находится зверь размером с маленькую телегу. Вместо этого лес время от времени выдавал нам один след, клочок чёрной шерсти, примятую траву — и снова закрывался. Мы не могли прибавить шаг: Бьорн ещё не ходил нормально, а я всё чаще ловил себя на том, что смотрю не на дорогу, а между стволами. Очень полезная привычка, если хочется споткнуться о корень и умереть самым нелепым способом до встречи с главным чудовищем.

Ближе к сумеркам туман опустился в низины, между ветвями показалось синее небо, а затем впереди зашумела вода. Тропа пошла вниз и вывела нас к реке — не широкой, шагов двадцать, зато быстрой. Вода с белой пеной била по камням, тянула вдоль берега холодом и пахла так свежо, что рядом с ней особенно ясно становилось: от нас самих несёт потом, дымом, змеиной кровью и дорогой. Ларс присел у влажного песка, провёл пальцами по нескольким отпечаткам и сообщил Торвальду, что олень был утром, кабаны — раньше, лиса прошла недавно, а большого рогатого ублюдка здесь пока не видно. Именно «пока» мне не понравилось больше всего.

Торвальд посмотрел на небо и решил ночевать. Спорить никто не стал. Даже Бьорн ограничился вопросом:

— Моё дежурство считается полноценным, если я сижу?

— Сегодня твоё дежурство — не падать лицом в костёр.

Гном оскорбился, но сел на поваленный ствол и больше не вставал без крайней необходимости.

Лагерь собрали почти молча. Ларс натянул верёвку между двумя деревьями, Рик развесил мокрые плащи, Грета устроила сапоги у огня, а Вениамин впервые за весь день сам попросился разжечь костёр. Он сел перед берестой, вытянул ладонь и долго ничего не делал. Я уже решил, что резерв опять скачет, но потом на кончиках пальцев появилась искра — маленькая, скучная, почти жалкая. Она легла на бересту, та задымилась, огонь взял тонкую щепку, потом вторую. Ни взрыва, ни шара пламени в человеческий рост, ни горячей одежды. Честно говоря, после предыдущих дней это выглядело подозрительно.

Бьорн следил с другого конца костра. Когда пламя попыталось подняться выше ладони, Вениамин сам уменьшил жар. Тогда гном сказал: — Нормально.

Веня тут же повернул голову. Огонь дёрнулся вверх. — На пламя смотри, — рявкнул Бьорн.

Веня поспешно отвернулся, справился, затем очень осторожно спросил: — Ты сказал «нормально»? — Я сказал: не спали нам одеяла. — Нет, сначала было... — Не спорь с больным человеком.

— Ты же весь день доказываешь, что здоров.

Бьорн мрачно уставился на него. Я откашлялся, скрывая смех. Грета не стала скрывать.

К ужину у меня оставались сушёные грибы Магды, яйца, немного безопасного змеиного жира, хлеб и ровно столько желания стоять у сковороды, сколько обычно бывает у человека с обожжённой рабочей рукой. Но есть хотелось всем, а кормить отряд сухарями после яда и дня на ногах было бы уже не экономией, а издевательством. Я замочил грибы, Рик взялся их отжимать, а Вениамин завис рядом с хлебом так выразительно, что я сдался первым.

— Попробуешь?

Вениамин немедленно заявил, что подошёл исключительно посмотреть, но на хлеб смотрел слишком внимательно — как на задачу, а не как на ужин. Я поставил перед ним сковороду. Трещина после змей оставалась тонкой, огонь нужен был небольшой, так что рисковал я скорее нервами, чем посудой. Веня положил первый ломоть.

— В Академии всё было по формулам: температура, расстояние, время.

Хлеб формул не читал, пришлось следить за цветом, запахом и тем, что происходило прямо перед носом. Книга под рубашкой шевельнулась и ехидно заметила: «Редкий случай, когда хлеб умнее учебника». Я решил Вениамину это пока не переводить.

Бьорн велел не давить на огонь. Веня возразил, что не

давит, а удерживает, гном посоветовал удерживать меньше. Первый ломоть вышел бледноватым с одной стороны, второй Веня передержал, зато на третьем сам заметил запах раньше меня и убрал жар. К пятому перестал смотреть на моё лицо после каждого движения. Бьорн больше не вмешивался — только один раз ткнул пальцем в слишком высокий язычок пламени. Веня сразу опустил жар, перевернул хлеб и продолжил.

Пока они занимались хлебом, мы с Риком разобрались с грибами. Он уже не хватал нож всей пятернёй, но всё ещё старался резать так, словно кусок продукта мог сбежать. Грета поправила ему пальцы один раз и отошла. Я вытопил кусочек змеинового жира; по сковороде пошёл знакомый шорох, грибы зашипели, отдали воду, и сырой земляной запах быстро сменился тёплым, ореховым. Добавил травы Магды и совсем немного соли. Рука ныла, поэтому яйца разбивал Рик. Первое он раздавил о край миски с такой силой, что скорлупа ушла внутрь. Мы молча выловили кусочки. Второе пережило знакомство с ним лучше.

Рик выловил из миски последний кусочек скорлупы.

— На прежней работе за такое могли ударить.

— За скорлупу?

— За всё.

Он уже потянулся за следующим яйцом. Ни объяснений, ни исповеди. Хорошо. Мне всё меньше хотелось превращать каждую миску в групповую терапию; если человек продол-

жает работать после одной тяжёлой фразы, иногда лучше дать ему работать.

Яичницу делали на слабом жаре. Белок схватился по краям, грибы ушли в него тёмными островками, желтки остались мягкими. Книга на этот раз промолчала: рецепта здесь и не требовалось. Мы ели возле реки из помятых мисок, под звук воды и тихое потрескивание костра. Бьорн получил больше всех и попытался возмутиться, что его считают слабым. — Нет. Прожорливым. Это объяснение его устроило.

Вениамин съел хлеб последним и долго смотрел в кружку. — Раньше у меня никогда не получалось просто держать огонь без вспышки.

Бьорн напротив ковырял ложкой грибы и слушал.

— Потому что ты каждый раз хотел показать огню, кто главный. Веня напрягся.

— Я не...

— Хотел. Видно было. В кузне такие долго не живут.

Вениамин удивился, что Бьорн вообще работал в кузне. Гном смерил его взглядом поверх миски: — Молодой гном, с руками. Где мне ещё было работать? Веня признался: «Я почему-то представлял тебя вечным охотником». Бьорн хмыкнул: «А я себя — великим оружейником. Пока первый меч не сломался ещё до первого удара».

Рик подавился хлебом. Я уточнил, хотя уже понял: — Даже ударить не успели? — Очень смешно, повар. — Я восхищён качеством контроля. — Второй был лучше. — Не сло-

мался? — Сломался после удара. — Прогресс.

Бьорн показал мне ложку. Я заткнулся. Вениамин, наоборот, придвинулся ближе. Тогда гном рассказал про старого кузнеца Хрода, который однажды забрал у него молот и заставил полдня сидеть возле горна. Не ковать, не раздувать меха — смотреть на цвет металла. Бьорн до сих пор считал это издевательством, но вечером Хрод вернул молот, и впервые за много недель железо не треснуло.

— Он сказал: «Если тебе всё время приходится бить сильнее, значит, ты уже пропустил момент». Я тогда не понял. Потом дошло. Вениамин смотрел на огонь.

— Значит, меньше силы? — спросил Вениамин. Бьорн поморщился: — Нужная сила. Это не одно и то же. Если резерв сам полез вверх — сначала заметишь, потом решишь, сколько отпустить. Сегодня заметил. Уже полезно. Веня собирался расспрашивать дальше, но гном поднял ложку как щит: он не преподаватель и второй лекции не будет. — Всё равно запомню, — сказал Вениамин. — Вот это уже твоя проблема, — отрезал Бьорн и вернулся к еде.

Вениамин ещё с минуту крутил ложку между пальцами.

— Я хотел... ну... про огонь. Спасибо.

Бьорн не сразу понял, что фраза закончилась.

— Угу.

— Я не так сказал.

— Я слышал.

Веня покраснел и занялся миской. Чуть погода Бьорн

молча подвинул к нему последний кусок хлеба.

Разговор пошёл куда попало — наконец нормальный человеческий разговор. Рик спросил Грету, правда ли в гильдии Мясников женщин почти нет. Она ответила, что женщин хватает, просто первый мастер на её бойне был идиотом и пытался использовать её вместо ученика для мытья пола. Я, разумеется, спросил, ударила ли она его. Грета сказала: не сразу. Сначала на следующий день разделала быка быстрее его лучшего ученика. Потом мастер опять заговорил про пол. Вот тогда уже ударила.

Рик в темноте уронил ложку между прибрежными камнями. Искали недолго: вода шумела, света не хватало, а ложка была деревянная и не настолько дорогая, чтобы ради неё мочить сапоги. Он доел хлебом и пообещал утром сделать новую. Утром, конечно, никто о ней не вспомнил.

Рик, который к тому моменту успел расслабиться, совершил ошибку. — А пироги ты умеешь печь?

У костра стало очень тихо. Я медленно убрал миску подальше от себя: хороший повар должен защищать посуду от зоны поражения. Грета посмотрела на Рика. Тот побледнел и явно перебирал в голове маршруты отхода. — Нет, — сказала она. — Тогда, наверное, мастер и правда ошибся.

Ещё секунда. Потом Грета рассмеялась. Рик выдохнул. Бьорн вынес приговор: «Парень испортился окончательно». Мне понравилось, что Рик не извинился десять раз и не начал объяснять, что не хотел обидеть. Просто улыбнулся вме-

сте со всеми и принял следующую миску от Греты, когда она протянула.

Торвальд всё это время сидел немного в стороне и точил короткий нож. Иногда поднимал глаза на лес, иногда на Ларса, который дежурил у берега. Когда смех стих, Торвальд провёл камнем по лезвию ещё раз и сказал: — Я видел Рогача.

Бьорн перестал жевать. Даже река будто стала громче. — Когда? — спросил я. — Десять лет назад.

Торвальд не стал устраиваться удобнее и не попросил слушать внимательно. Просто продолжил точить нож и короткими фразами рассказал, как они нашли кровь на снегу, полезли за раненым зверем в ущелье и потеряли след на совершенно чистом снегу. Ларс, вернувшийся к костру, спросил единственное: смотрели вверх? Торвальд ответил: нет. Рогач стоял на скале над ними.

Вениамин уточнил, действительно ли Рогач спрыгнул со скалы и прямо на них. Нет — перед ними.

Я сразу представил это слишком хорошо. Молодые охотники в узком проходе, снег под ногами и туша с рогами, которая падает со скалы, а потом не нападает. Стоит. Смотрит.

Они подняли оружие, рассказал Торвальд, а зверь ждал. Чего — он не знал. Ударить мог и всё-таки не ударил. Я спросил: «Почему?» Торвальд положил точильный камень на колено, долго смотрел на него и только потом ответил:

— Испугался.

В костре лопнула ветка. Бьорн повертел в пальцах ложку и продолжил сам. В тот момент он опустил топор, Рогач ещё немного смотрел, затем развернулся и ушёл. Не убежал. Не прыгнул на скалу. Просто ушёл по снегу, и след снова появился там, где до этого исчез.

Рик спросил, поэтому ли Торвальд десять лет хотел вернуться. Первые годы — да, но не столько чтобы убить, сколько понять, почему тогда не ударил. Торвальд убрал нож в ножны.

— Потом понял, что это плохая причина для охоты. Но когда снова пошли следы и появился заказ, решил посмотреть, что изменилось. В нём или во мне.

На этом он замолчал. Старый вариант меня, наверное, заставил бы спросить что-нибудь вроде «и что выберешь теперь?». Но человек только что признался перед шестью людьми, что когда-то струсил. Я решил не лезть в это ложкой.

Бьорн тоже промолчал. Вениамин смотрел в костёр. Грета проверяла край ножа ногтем. Только Рик задал вопрос, и то практический.

Он спросил, что делать, если Хозяин опять просто встанет перед нами. Торвальд ответил: «То, что будет разумно в тот момент». Не самый удобный ответ, но охота редко выдаёт решение заранее. Ларс коротко кивнул, для него тема закрылась.

Я налил себе воды. Край кружки стукнул по зубам силь-

нее, чем хотелось. Поставил её на камень и подождал, пока пальцы перестанут дрожать.

— Я сегодня думал, что Бьорн умрёт, — сказал я вместо речи.

— Не дождёшься, — отозвался гном.

— Вот. Уже лучше. Утром ты бы на такую реплику потратил слишком много сил.

Он хотел бросить в меня хлебом, но хлеб закончился. Судьба сохранила мне лицо.

Я покрутил пустую кружку в руках и промолчал. Грета посмотрела на меня через огонь, я отвёл глаза первым.

Ларс поднялся проверить берег. Торвальд пошёл с ним, прихватив копьё.

Рик собрал пустые миски. Вениамин снова сел перед костром и стал медленно поднимать пламя на ладонь, затем опускать. На третьем подъёме язык огня полез выше, Бьорн ткнул ложкой вниз. Веня исправил.

Я отошёл к реке вымыть ложку. Вода в темноте казалась почти чёрной, только звёзды рвались на кусочки между камнями. Грета подошла сзади. На этот раз я услышал её заранее и даже успел обрадоваться собственному прогрессу. — Дай руку. — Даже «добрый вечер» не будет?

— Был добрый. Пока ты не начал спорить.

Она размотала край повязки, проверила ожог и надавила рядом. Я дёрнулся. — Болит. — Это был вопрос? — Констатация.

Грета затянула ткань чуть свободнее и не отпустила мою ладонь сразу. Некоторое время мы стояли у воды молча. Я вспомнил, как несколько недель назад боялся оставаться с ней наедине, потому что Грета всегда носила нож. Теперь нож тоже был, просто причины нервничать изменились.

— В первый день ты правда считала, сколько во мне мяса? — Конечно. Грета ещё раз осмотрела меня сверху вниз. По её тогдашним расчётам, мяса было мало, сейчас чуть больше. Я попытался принять это за комплимент. Грета велела не привыкать.

— Когда ты рядом, спокойнее, — сказал я. Она пожала плечом, коснувшись моего.

— Мне тоже. Грета коснулась костяшками моего запястья и уже собиралась отойти к костру, когда лес выключили.

Не «стало тише». Именно выключили. Пропали насекомые, перестала кричать птица на другом берегу, даже мелкая возня в камышах оборвалась. Река шумела как прежде, костёр потрескивал за спиной, но всё живое вокруг будто одновременно решило не напоминать о себе.

Грета отпустила мою руку и взялась за нож. Ларс появился у костра без единого шороха, Торвальд шёл за ним. Вениамин погасил тренировочное пламя. Бьорн поднялся со ствола слишком быстро, качнулся, но удержался. — Он здесь, — сказал Торвальд. Рёв пришёл с другого берега.

Я слышал зверей раньше — собак, коров, даже медведя в зоопарке, который однажды решил объяснить посетителям

своё мнение о человечестве. Ничего из этого не помогло. Звук ударил в грудь и пошёл по костям. На воде побежала мелкая рябь, с веток посыпались капли, Рик выронил миску. Вениамин вскинул руки, но огонь на пальцах погас раньше, чем успел появиться.

Никто не видел зверя. Сначала только треснула ветка на другом берегу. Потом ветер донёс запах — мокрая шерсть, кровь и терпкая сладость дикого мёда. Тот же, что оставался на чёрной шерсти и у следов. — Там, — сказал я.

Ларс уже держал лук, но Торвальд опустил ладонь: не стрелять в темноту. Правильно. Очень хотелось сделать хоть что-нибудь, поэтому особенно правильно.

Ещё одна ветка хрустнула дальше. Потом ещё одна. Хозяин уходил. — Он пришёл только порычать? — прошептал Рик. Бьорн тяжело опустился обратно на ствол. — Невоспитанный.

Торвальд не улыбнулся. Он смотрел туда, где исчез запах. — Ночью по трое. Ларс со мной — первая смена.

Грета сразу сказала, что будет тоже. Я открыл рот, она посмотрела на мою руку. Закрыл. Иногда обучение происходило удивительно быстро.

Понемногу лес начал включаться обратно. Сначала застрекотало что-то далеко слева, потом отозвалась птица, над водой снова появились насекомые. Вениамин сел у костра и, всё ещё дрожа, зажёл маленькое пламя. Оно получилось ровным. Бьорн заметил и ничего не сказал.

Книга зашелестела у меня под курткой. Я достал её. Страницы сами перелистнулись до пустого листа, чернила выступили медленно, без привычной насмешливой россыпи. «Не знаю, зачем он пришёл». — Очень обнадёживает.

«Зато теперь уверена: он реагирует не только на нас». Я ждал продолжения.

«Лес вокруг меняется. Вода беднеет. Звери ведут себя иначе. Он это чувствует раньше вас».

— Соль? — спросил я. Чернила остановились, потом вывели: «Возможно». Я захлопнул Книгу прежде, чем успел задать тот же вопрос другими словами.

Я рассказал остальным ровно столько. Бьорн спросил, если Рогач чувствует нехватку соли, не ищет ли он её. Торвальд ответил, что пока это только догадка. Ларс добавил: утром посмотрим, куда ушёл след. Грета молча проверила ножи. Торвальд распределил смены, а Бьорн потребовал оставить ему место ближе к огню.

Перед первой сменой я лёг у костра. Мешочек соли остался в рюкзаке, завязанный двойным узлом. Вениамин пять раз поправил одно и то же полено, пока Бьорн не отобрал у него кочергу.

Торвальд назвал первую тройку дежурных. Я натянул плащ до подбородка.

Глава 5. «Гномий дозор»

Утром Бьорн первым делом объявил себя здоровым. Сказал это, сидя на поваленном стволе и уже вторую минуту воюя с ремнём топора. Пряжка не желала подчиняться великому победителю перечного яда.

Рик сделал полшага к ремню, но Бьорн поднял палец:

— Поможешь — убью.

— Я просто рядом стою.

— Рядом — уже слишком близко.

Я заметил, что между ними три шага. По Бьорну, три шага всё равно мешали.

Грета тем временем заново бинтовала мою ладонь. Ожог выглядел лучше, чем чувствовался: пузыри не лопнули, кожа оставалась целой, но стоило согнуть пальцы, как под повязкой начинало печь. Я пошевелил большим пальцем и тут же получил по запястью. «Не трогай». — «Проверяю». — «Проверил вчера». Я попробовал сослаться на повторяемость научного подхода, Грета пообещала повторить удар.

Грета затянула последний виток бинта. Я дёрнул кистью, получил по пальцам и решил, что проверка закончена. Бьорн с другого конца лагеря одобрительно хмыкнул.

Торвальд и Ларс вернулись с другого берега, когда мы сворачивали лагерь. След Хозяина нашёлся выше по течению, возле старой каменной гряды, которую можно было использовать как переправу. Дальше отпечатки уходили на северо-восток. Торвальд не произнёс ничего про «он ведёт нас» и «это знак». Просто сказал: пока это лучший след по заказу, берём его.

Если уйдёт слишком далеко от маршрута — решим заново.

Переправа — набор мокрых камней, между которыми вода пыталась унести ноги, достоинство и рюкзак одновременно. Ларс перебрался первым, закрепил верёвку, Торвальд и Грета прошли без приключений. Вениамин на середине поскользнулся, повис обеими руками на верёвке и с очень серьёзным лицом выдал:

— Ненавижу воду.

— Огонь-то хоть любишь? — спросил Бьорн.

Веня подумал и признался: не всегда.

Гном смерил его взглядом и вынес вердикт: «Из тебя ещё может выйти нормальный человек».

Сам Бьорн перебрался без спешки, обеими руками держась за верёвку. На другом берегу сел на камень и только потом потребовал вернуть топор.

На другом берегу знакомый след нашёлся сразу. Я уже узнавал его сам — широкая лапа, когти, раздвоенная отметина в середине. Плохая новость: я начинал разбираться в отпечатках чудовища. Ещё несколько дней такого обучения — и можно открывать кружок юного следопыта для поваров с низким инстинктом самосохранения.

Хозяин шёл почти прямо. Иногда след исчезал на камнях, потом появлялся опять. Никаких кругов, попыток сбить нас или спрятаться. Ларс заметил это первым.

— Идёт прямо.

— Не принимай отсутствие хитрости за приглашение, — ответил Торвальд.

Мне формулировка понравилась. Книга внутри рюкзака шелестнула, но промолчала. Видимо, решила, что один разумный человек в отряде пока справляется без её помощи.

Часа через два лес стал суше. Мох перестал пружинить, у молодых веток ломались ещё зелёные концы, на нескольких кустах листья скрутились, словно середину лета им подменили концом осени. Возле маленького ручья я присел и

опустил пальцы в воду. Грета тут же предупредила: «Только не пей». Я заверил, что уже обученный, она напомнила, что вчера я тоже так считал. Чутьё отозвалось слабой минеральной пустотой: вода не была совсем пресной, но нормальной её тоже не назовёшь.

Я сказал об этом Торвальду. Он коротко кивнул и двинулся дальше. Ларс уже уходил вперёд по тропе, а ручей остался за спиной вместе с очередным камнем, на котором соль едва чувствовалась.

Через полчаса Грета увидела мёртвую лису. Лежала у корней, без крови, без укусов. Ларс обошёл место, нашёл только её собственные следы. Грета проверила пасть, кожу, живот. Зверь был худой и явно обезвоженный. Я осторожно включил Чутьё: минеральный след почти отсутствовал, но делать из этого медицинский диагноз не собирался.

Торвальд кивнул на камень.

— Соль?

— Может быть причиной состояния лисы, а может и не быть. Чутьё видит пересушенные ткани и слабый минеральный след, но медицинский диагноз из этого я строить не собираюсь.

Бьорн, опираясь на топор, подвёл итог:

— Мало соли — плохо.

Я поблагодарил за экспертное заключение и предложил вернуть вечернюю лепёшку в счёт оплаты. Он посоветовал не наглеть.

След Хозяина прошёл в стороне от лисы и не остановился. Это тоже было фактом, почему — нет.

Ближе к полудню между деревьями показались серые холмы. В воздухе сперва появился дым, потом слабый запах серы и наконец то, на что Чутьё отозвалось сразу: соль. Очень мало, будто кто-то поднёс открытую солонку и тут же унес, но после нескольких дней странной воды запах казался почти праздничным.

На гребне стояли трое гномов. Двое с короткими арбалетами, третий с топором и бородой, разделённой на две косы. Он крикнул, чтобы мы остановились. Торвальд остановился. Бьорн рядом со мной тихо сказал: — Сейчас будет долго. — Знакомые? — Нет. — Тогда откуда знаешь? — Гномы.

В этом была логика, против которой трудно спорить.

Главного звали Бруни. Сначала он проверил, кто мы, потом зачем идём, затем увидел след, который Ларс показал у камней, и перестал считать нас обычными городскими идиотами. Полностью, правда, не перестал. Когда Торвальд сказал «Рогач», Бруни посмотрел на нас так, будто мы добровольно выбрали путь через печь.

Торвальд произнёс «Чёрный?» — Бруни ответил взглядом на след, потом на нас: похоже, да, и это плохо. Я отметил содержательность заключения, за что получил вопрос о профессии. «Повар». — «Сыр делаешь?» — «Нет». — «Тогда не повар». Так за три секунды моя карьера была уничтожена человеком, которого мне представили сыроделом и времен-

ным дозорным.

Бруни был сыроделом, временно превращённым в дозорного. «Временно» тянулось уже несколько месяцев: старая соляная выработка возле поста пустела, цены росли, Солевары объясняли это дорогими дорогами, тяжёлой добычей и ещё десятком причин, которые Бруни пересказывал голосом человека, готового лично засунуть весь список причин в шахту. Месяц назад мешок стоил пять серебряных. Теперь двадцать четыре. Даже я, человек, способный долго не замечать финансовую катастрофу, пока она не залезет в кошелёк обеими руками, понял: это уже не подорожание, а отдельный хищник.

Они хуже солили мясо, реже закладывали сыр и всё чаще ели еду, которую Бруни называл «временно приемлемой».

Сам пост стоял прямо у старой выработки: три каменных строения, навес, две тележки и чёрный провал шахты, из которого тянуло холодом. Бруни повёл нас туда, потому что Торвальд спросил, насколько всё плохо. Внутри на стенах ещё белели жилы, но многие стали тонкими, серыми и местами обрывались, как стёртые мелом линии.

На косяке мелом было написано: «Торрен должен Бруни кружку». — Кто такой Торрен? Бруни пожал плечами: «Уехал весной». Надпись стирать никто не собирался.

Один гном работал киркой в глубине, после нескольких ударов в корзину упали два белёсых кусочка размером с ноготь. Он посмотрел на добычу, выругался и полез дальше.

— Раньше за полчаса ведро набирали, — сказал Бруни.
— Не чистой соли, конечно. Порода, грязь. Но ведро. Теперь за день иногда два.

Бьорн присел у стены и провёл пальцем по белой полосе. Не стал ни лизать, ни отламывать — только посмотрел на крупинки на коже и сдул их обратно в трещину. — И новые жилы? — спросил он.

— Есть. Дальше в горах. До них дорога дороже самой соли.

— Солевары выкупили? Бруни криво усмехнулся.

— А ты как думаешь?

Торвальд задал ещё несколько коротких вопросов: когда начала падать добыча, одинаково ли в других местах, что происходит с караванами. Бруни не изображал специалиста по всему континенту. Сказал только то, что слышал от своих: у соседней шахты та же беда, караваны приходят реже, цены растут почти каждую неделю.

Иногда соль есть на складе, но её придерживают, потому что завтра продадут дороже.

Я вспомнил городской рынок: утром продавец клянётся, что дороже уже не будет, вечером снимает старую цену и пишет новую. Для этого никакой магии Сапории не требовалось.

В углу стояли четыре мешка. Один полный, остальные завязаны почти у самого дна. Бруни ткнул в них пальцем.

— Это пост. Десять гномов. Мясо, сыр, лошади, козы.

Раньше такой запас никто бы не считал. Сейчас каждый вечер считаем.

Я вдруг вспомнил маленький мешочек у себя в рюкзаке и впервые почувствовал себя человеком, который таскает по лесу не приправу, а деньги. Неприятное ощущение. Особенно если где-то рядом действительно ходит зверь, способный чувствовать изменения в лесу раньше нас. — Поэтому вы патрулируете? — спросил Рик.

— Поэтому тоже. Когда соли мало, дичь меняет тропы. Звери подходят к шахтам. Люди тоже.

Последнее он сказал без пояснений. Арбалетчики у входа сразу стали выглядеть понятнее.

Под навесом лежало доказательство того, почему гномы так злы на жизнь: серые лепёшки. Я поднял одну и постучал ею по столешнице, стол отозвался тише.

— Это считается едой?

— Третий день едим, — ответил Бруни.

— Живучесть ещё не делает блюдо съедобным.

— Я вообще-то не человек.

Аргументы закончились.

Бруни уже начинал злиться, зато рядом нашлись мука, козий жир, немного скального мёда, горный чабер и сушёный дикий лук. Соли тоже было чуть-чуть, но я специально не тронул её.

Спасать гномью экономику чудом я не собирался. Просто стало интересно: можно ли сделать нормальную походную

лепёшку из того, что у них останется, когда соль станет ещё дороже. Книга под рубашкой тут же шевельнулась: «Только не спасай континент одной лепёшкой». Я пообещал ограничиться обедом. Она не поверила, но спорить не стала.

Рик без вопроса подошёл к миске и начал месить. Спросил только, сколько воды. Я назвал примерно, Грета поправила ему постановку пальцев, а Вениамин сам разжёг небольшой огонь под железной плитой. Бьорн делал вид, что смотрит только на тесто, но стоило пламени подняться выше нужного, бросил: «Ниже».

Веня убрал жар без спора. Вот и весь урок.

В тесто пошли козий жир, немного мёда, чабер и сушёный дикий лук. Бруни следил за мёдом с выражением человека, наблюдающего преступление, и выяснял, не будет ли сладко и как я вообще собираюсь готовить без соли. Я предложил подождать десять минут и уже потом лишать меня звания повара.

Первую лепёшку раскатал Рик. Форма напоминала карту страны, которую долго делили между соседями и в конце потеряли документы. Я положил её на плиту. Тесто зашипело, поднялись пузыри, по краям появилась корочка. Чабер и сушёный лук дали запах, мёд сгладил горечь, козий жир сделал тесто мягче.

Бруни потянулся к первой лепёшке ещё до того, как я снял её с плиты. На предупреждение «горячая» ответил: «Я гном». Я поздравил его с биологическим фактом и напом-

нил, что пальцы всё равно мясные. Он выждал ровно столько, чтобы сохранить достоинство, отломил кусок и принялся жевать с каменным лицом. И взял второй.

Один из дозорных спросил, как вышло, Бруни велел ему молчать и потянулся за третьим.

Только после моей провокации признал: для еды без соли — очень неплохо.

Через четверть часа мы пекли уже третью партию. Гномы перестали изображать безразличие, кто-то принёс другую траву, кто-то ещё муки. Книга нового рецепта не открыла, вместо этого на полях появилось сухое: «ОБЫЧНАЯ ЕДА. ТОЖЕ СЧИТАЕТСЯ». Земля, к счастью, тоже не задрожала, зато обед перестал быть наказанием. Бруни, доев второй кусок, всё равно напомнил, что соль нужна.

Я согласился: сыр без неё не сделать, мясо долго не сохранить, лепёшка не решит их проблему.

Он даже растерялся и спросил, что же я тогда доказывал. Я ответил: «Что без соли можно хотя бы не страдать за каждым столом». Решения для экономики континента у меня пока не было. Иногда этого достаточно.

После еды Торвальд вернул разговор к Рогачу. Бруни самого Хозяина не видел — и сразу это сказал. Следы видел. Иногда утром козы вставали мордами к лесу и отказывались есть, а на дороге появлялись огромные отпечатки. Иногда пропадали охотники. Иногда люди возвращались и рассказывали такую чушь, что Бруни советовал делить всё на че-

тыре.

— Мясо Хозяина правда лечит? Бруни пожал плечами: «Говорят». Следом посыпались остальные легенды — про шкуру, которую не берёт клинок, рога ценой в несколько лет безделья, мясо, дающее силу, и чей-то особенно удачный кусок, якобы продливший жизнь. — Сам пробовал? — Князя? Нет.

Водой я подавился раньше, чем понял, что он говорил про мясо, Бьорн заржал, а сам Бруни даже не улыбнулся.

Торвальда интересовали не чудеса, а люди. Бруни назвал несколько групп, ходивших за Чёрным Рогачом: из одной вернулся один человек, из другой двое, третья пропала целиком. Возле поста зверь нападал редко, коз иногда не трогал, след мог возникнуть посреди дороги и исчезнуть через сотню шагов.

Когда Рик заметил, что в городе таких называют оборотнями, Бруни фыркнул: город у них половину изменённых хищников записывает в оборотни; здесь это рогачи, а старый чёрный — Хозяин. Никакого второго чудовища за двумя названиями не скрывалось.

Вениамин спросил Бруни, почему старого рогача зовут Хозяином. Тот предложил выбрать любую версию: живёт здесь дольше всех, остальные рогачи не ходят рядом; охотники любят давать имена тому, чего боятся. Веня спросил, боится ли сам Бруни. Тот переставил кружку подальше от края стола. — Конечно. Я шахту тоже боюсь, когда крепь

трещит. Так что слушаю. Страх полезный, если не заставляет бежать не глядя.

Бьорн одобрительно хмыкнул.

Людей, которые действительно видели Хозяина близко, Бруни знал по рассказам: старый козопас уверял, что зверь прошёл мимо стада и не тронул ни одной козы; охотник без двух пальцев клялся, что его намеренно загнали к обрыву. Бруни одинаково не доверял обоим. Торвальд не стал вытягивать из противоречий красивую теорию.

Бруни не советовал верить истории только потому, что она страшная: страх, по его словам, портит память не хуже выпивки. Ларс, почти не участвовавший в разговоре, заметил: «Следы лучше». Бруни тут же признал в нём умного человека, узнал, что перед ним следопыт, и передумал: «Ещё хуже. Эти потом полдня смотрят в грязь и говорят одно слово».

Ларс немного подумал и ответил: «Бывает».

На этот раз Бруни рассмеялся. Торвальд вернул карту на стол, историй мы собрали достаточно, фактов всё ещё было мало.

Бруни ещё собирался показать на карте овраги, когда из шахты донёсся визг — тонкий, мерзкий, как спор мышей в железном ведре. Гномы у стола одновременно замерли. «Только не опять». — Что опять? — Чеснокрылы. Слово я сначала принял за шутку.

Из чёрного провала вдруг вылетела летучая мышь с белой

луковицей вместо туловища, и Сапория ещё раз доказала, что моё чувство нормы ей не требуется.

Первая тварь пошла на ближайшего гнома. Бруни встретил её лопатой плашмя, Чеснокрыл хлопнулся о камень и остался цел. «Не рубить! Вонять будете неделю!» — заорал он, когда Грета уже вытаскивала нож. Нам раздали лопаты. Вениамин посмотрел на свою лопату с академическим недоверием. К подобной специализации его явно не готовили. В учебной программе обнаружился серьёзный пробел.

Из шахты полезли остальные. Чесночный запах ударил по глазам, слёзы пошли сразу. Мы отбивали тварей плашмя, стараясь не рубить луковицы. Бруни работал лопатой так уверенно, что я начал подозревать: в горах действительно существует тайная школа боевой сельхозтехники.

Один Чеснокрыл проскочил над моей головой и пошёл на Вениамина. Веня замахнулся поздно, отступил, тварь развернулась. Я крикнул пригнуться, но он вытянул палец, и маленькая искра ударила точно в край крыла — не в тело, не в шахту и, что особенно приятно, не в Бруни. Чеснокрыл сорвался вбок и прошёл в ладони от лица Бьорна, гном пригнулся и добил его топорищем уже на земле. Несколько секунд рассматривал обугленную перепонку, потом ткнул в Веню пальцем: «Ещё раз так. Маленько».

Веня переспросил, правильно ли понял, и получил короткое «так же».

Следующая волна пошла ниже. Вениамин больше не пы-

тался накрыть всё огнём: одному подпалил край крыла, второго заставил уйти вверх, а по команде Торвальда сделал перед входом низкую полосу пламени, не выше щиколотки. Стая шарахнулась обратно в шахту. Веня побледнел, огонь дрогнул, но не вырос, когда всё кончилось, он сел прямо на землю с трясущимися руками.

Бьорн подошёл, ещё раз посмотрел на крыло у сапога и сказал: «Нормально». Веня поднял голову, будто хотел переспросить, и гном тут же добавил: «Не порть момент».

Бруни тем временем собрал целые тушки, одну вскрыл и показал начинку. Внутри действительно были плотные чесночные дольки — не «похожие на чеснок» магические железы, а чеснок в самом буквальном и довольно оскорбительном смысле. Бруни заверил: целая оболочка хранит их годами. Рука сама дёрнулась к рюкзаку. Книга немедленно написала: «НЕ ЕШЬ СЫРЫМ». Я возмутился, что даже не собирался. «Именно поэтому предупредила заранее». Грета заметила уже мой второй порыв — к третьей тушке. «Два». — «Один». — «Два маленьких». Я начал торговаться за третий, но она произнесла моё имя тем самым тоном, после которого цифры обычно уменьшаются сами. Бруни расхохотался и выдал мне две тушки.

Рик понюхал свёрток и предположил, что теперь нас найдёт любой зверь за пять километров. Ларс заметил, что зато вампиры не подойдут. — Здесь есть вампиры? Ларс пожал плечами. Я решил больше не расширять кругозор.

Перед уходом Бруни нарисовал на карте сухую грядку и старые овраги. След Хозяина, если держится, должен вывести туда. Ещё севернее последние недели видели большую волчью стаю. Это мне понравилось значительно меньше чеснока.

На прощание Бруни сунул мне маленькую баночку скального мёда и мешочек сушёного дикого лука — за лепёшки. Рик уже собирал лопаты, но гном разрешил оставить три: «В лес идёте — пригодятся». Рик спросил, для чего. Бруни только усмехнулся: «Сам поймёшь». Когда пост скрылся за холмами, Бьорн признал дозорных «хорошими гномами».

Я напомнил, что он почти со всеми успел поругаться. «Именно», — сказал он.

Чеснок из рюкзака пах так, что спорить хотелось подальше.

У сухой каменной гряды след Хозяина пропал окончательно. Зато Ларс нашёл десятки волчьих отпечатков, свежих и наложенных друг на друга: стая ходила здесь не первый день, а один след был заметно крупнее остальных. Рик спросил про вожака, Ларс измерил отпечаток пальцами. — Похоже на него.

Торвальд осмотрел грядку, проходы между камнями и быстро решил ставить лагерь здесь, пока не стемнело.

— То есть мы нашли огромную стаю и решили ночевать рядом? Торвальд показал на камни: три стороны закрыты, дрова можно держать внутри, а в обычном лесу нас прикры-

вала бы только темнота. Поданное таким образом решение звучало почти разумно.

Костёр поставили в центре, дрова сложили внутри круга, лопаты Бруни легли рядом с оружием. Бьорн всё ещё уставал быстрее обычного, моя ладонь пульсировала, Вениамин после Чеснокрылов почти не разговаривал, зато Рик уже без команды носил ветки и раскладывал вещи. Грета проверила проходы между валунами. Я поставил воду и поймал себя на неприятной мысли: лагерь выглядел правильно. Обычно именно после таких мыслей мир считал нужным напомнить, кто здесь главный.

Перед сумерками Ларс ещё раз проверил самый крупный отпечаток. — Свежий. Сегодняшний. Торвальд велел никому без нужды не выходить за камни.

Глава 6. «Волчья засада»

Первый вой раздался слева от лагеря. Второй — справа. Третий ответил из-за каменной гряды у нас за спиной, и после него Торвальд уже не спрашивал, показалось ли нам.

Он одним движением поднялся от карты и начал расставлять людей: Бьорн — в широкий проход между валунами, Грета — справа, где камни расходились ближе к лесу, Ларс — за центром с чистым сектором для стрельбы.

Рик и Вениамин должны были стащить к костру все дрова, которые успели собрать, после чего Рик оставался рядом со мной, а Веня — за Гретой, чтобы не прожарить кого-ни-

будь из своих в спину. Мне достался котёл, огонь и неприятное чувство, что профессия повара опять требует слишком странной квалификации.

— Огонь выше, — сказал Торвальд.

Вениамин сел на корточки у костра. После Чеснокрылов его ещё шатало, под глазами лежали серые тени, но пламя он поднял ровно — не стеной, не вспышкой, а на локоть выше обычного. Красный свет раздвинул темноту, и между деревьями появились глаза.

Сначала две пары. Потом ещё. Потом я перестал считать.

Волки не бросались. Выходили по одному, занимали места за границей света и ждали. Крупнее обычных, грязные, в шрамах, некоторые худые до торчащих рёбер. Пахло мокрой шерстью, кровью и чем-то тяжёлым, неприятным, как мясо, которое слишком долго держали в тепле. Чутьё дёрнулось само. Я тут же его убрал.

Не всё, что ходит вокруг костра, обязательно надо оценивать как ингредиент.

Эту мысль стоило усвоить раньше, но лучше поздно, чем после ужина.

Бьорн спросил, сколько их. Ларс, не отрываясь от леса, насчитал больше двадцати. Гном поправил хват на топоре и заметил, что меньше ему понравилось бы больше.

Рик стоял рядом со мной и держал нож правильно, но слишком крепко. Я велел расслабить пальцы, он послушался без вопросов. Волки тем временем проверяли круг: один

шагнул к Бьорну, другой к Грете, третий показался перед Торвальдом. Подходили, принимались и уходили, через минуту их сменяли свежие. Ларс коротко сказал: «Меняются».

Торвальд понял то же: уставшие назад, свежие вперёд. Рик спросил, умеют ли волки так.

«Стая умеет многое, но здесь кто-то слишком хорошо считает».

Из темноты пришёл низкий рык. Ближайшие звери одновременно подняли головы — не на нас, а туда, откуда прозвучал сигнал. Двадцать с лишним волков вокруг вдруг стали понятнее того, кто стоял за ними и пока не показывался.

Первый бросок случился почти буднично. Волк вошёл в свет у Бьорна, гном встретил его топором, зверь ушёл в сторону. Второй проверил Грету, Вениамин дал короткий жар перед лапами, волк шарахнулся прямо под её нож. Ларс не стрелял. Торвальд запретил тратить стрелы на тех, кого можно отогнать.

Стая некоторое время щупала нас по краям, и я уже начал надеяться, что на этом всё ограничится.

Рык повторился. Волки пошли сразу в три прохода.

Круг сжался к костру. Я встретил первого сковородой. Удар пришёлся в морду, чугун отозвался высоким звоном, а трещина по дну стала длиннее. Книга успела написать одно слово: «Сковорода». Рик добил зверя ножом и тут же вернулся на место. Торвальд держал центр копьём, не гонялся за раненым, а просто не пускал дальше.

Ларс стрелял поверх плеч только тогда, когда видел чистую линию.

Справа Вениамин работал лучше, чем днём у шахты: маленький всплеск жара перед лапами, полшага волка в сторону — Грета заканчивает. Без огненных шаров и красивых движений. Очень скоро стало ясно, почему Академии не научили его этому раньше: такая работа была скучной, тяжёлой и требовала следить за каждым мгновением. Веня белел на глазах.

Бьорн тоже начал опаздывать — яд ушёл, слабость нет.

Один волк поймал момент: Бьорн шагнул навстречу, колено подвело, зверь прорвался сбоку. Вениамин ударил веером жара шире, чем собирался, отогнал волка, но сухая трава у камня тут же вспыхнула. Рик забросал её землёй, Веня стянул огонь обратно. Успели. Торвальд спросил про резерв. «Мало». — «Считай, что нет. Только ближние». Вениамин хотел возразить и передумал.

Иногда нужная сила — это действительно меньше силы.

Грета пострадала через минуту. Волк прошёл под ножом, второй ударил снаружи, и когти распороли куртку по левому плечу. Она успела всадить клинок снизу, зверь упал, но кровь сразу пошла по рукаву. Я дёрнулся к ней, а Грета, даже не посмотрев, бросила: «Правый проход». Я начал про рану, она ответила, что видит.

Торвальд уже сместил её на полшага внутрь круга.

Я отвернулся и продолжил держать свой сектор. Разумное

решение от этого приятнее не стало.

Стая отступила так же одновременно, как атаковала. Один рык — и волки исчезли за границей света. На поляне остались туши, кровь и тишина, в которой мы вдруг услышали собственное дыхание.

Ларс пересчитал стрелы. В основном колчане осталось три. Рик отдал ему свои семь.

— Я ещё смогу, — сказал Вениамин.

— Сколько? — спросил Торвальд.

Веня не знал. Значит, мало. Бьорн опёр топор на камень и не спорил, когда Торвальд велел ему сесть на минуту. Вот это уже было страшно.

Я спросил Ларса, долго ли стая сможет так держать нас. Он посмотрел в темноту и ответил: дольше нас. Очень полезная информация.

Вода в котле уже начинала дрожать: ещё до воя я поставил её на обычный ужин. И тут из памяти вылез подвал Крута. Гнилые овощи. Перец. Мясо. Десять бандитов, которые после первой ложки внезапно решили, что лучший способ провести вечер — разбить друг другу лица. Берсерк-суп. Книга отреагировала раньше, чем я успел сформулировать.

«Нет», — отрезала Книга. Я возразил, что ещё ничего не предложил. «Я тебя знаю». На этот раз без насмешки. — Суп даст им возможность двигаться. «Он заставит забыть, что они ранены. Это совсем другое».

Я посмотрел на Бьорна, сидевшего только потому, что То-

Торвальд приказал, на кровь на левом плече Греты, на Вениамина с почти пустым резервом. Книга была права, что особенно раздражало. Я спросил о слабой версии. Ответ пришёл сразу: «Берсерк-суп — не чай. Воды добавил — проблема исчезла?» Нет, конечно.

Но теперь рецепт хотя бы известен, а первый раз я варил вслепую. «Ты видишь часть», — напомнила она.

Я уже собирался ответить Книге уверенным «да», но остановился: не уверен. Грета услышала. — В чём? Торвальд подошёл ближе, пока остальные держали круг. Я коротко описал рецепт из подвала Крута: поднимает ярость, глушит страх и боль, в первый раз едва не превратил бандитов в мясорубку.

Можно уменьшить концентрацию и дозу, гарантировать контроль я не могу.

Торвальд выслушал и ответил: «Тогда нет». Без спора.

Я кивнул и всё-таки посмотрел на котёл. Спросил только про пробу. Торвальд поинтересовался, действительно ли я торгуюсь с ним во время волчьей осады. Профессиональная привычка, признал я, плохая, уточнил он. Я предложил маленькую партию, сильно разбавленную, и два первых глотка на себе. Если начинает уносить — выливаем.

Грета сразу спросила про дозу и про то, что будет, если двух глотков хватит, чтобы унесло меня.

Я ответил, что она рядом. «Это не ответ». Другого у меня не было.

Торвальд молча смотрел на меня. Из леса снова завыли, волки подошли ближе.

— Сколько времени?

— Десять минут.

— Пять, — предложил Бьорн с земли.

Я попытался сторговать семь, но оба командира сошлись на пяти.

— Не успел — забыли.

Вот так я снова остался у котла в момент, когда нормальный человек держал бы меч.

Рик получил луковицу и приказ резать мелко, Вениамин — держать только огонь под котлом, не вокруг. Грета уже собиралась ругаться, но я всего лишь спросил, где лежит змеиный жир. «В левом свёртке». Волк, убитый у центра, был свежим: Чутьё не находило той тяжёлой гнилой ноты, что чувствовалась у некоторых зверей.

Рик снял чистое мясо, я порезал здоровой рукой, насколько позволяла спешка.

В котёл пошли змеиный жир, лук, немного обработанного мяса перечной змеи, травы и волк. Чеснокрыла я в последний момент оставил в рюкзаке: новый ингредиент в старом опасном рецепте — хороший способ прославиться посмертно.

Вениамин держал кипение без красоты, зато ровно. Когда волки подходили, бросал котёл и уходил помогать Грете, вода остывала, я ругался, Веня возвращался. Рик рубил лук

и одновременно следил за проходом. Один кусок получился размером с кулак. — Это уже оружие, не нарезка. Рик рубил ещё раз.

Волки пошли опять прежде, чем бульон успел дойти до нужного состояния. Торвальд рывкнул держать круг, Ларс выпустил стрелу, а Грета уже переносила нож в здоровую руку. Я велел ей хотя бы не лезть вперёд, она напонила, что второй нож у неё тоже есть. Спорить посреди атаки оказалось роскошью, поэтому сошлись на том, что она остаётся возле котла и не пытается доказать волкам профессиональную пригодность плечом.

Вениамин продолжал держать слабый огонь под котлом левой рукой, а правую развернул к тёмному проходу.

— Могу вести два потока.

— Не можешь, — отрезал Бьорн. После Чеснокрылов Вениамина едва стоял.

Вениамин посмотрел на приближающегося волка.

— Сейчас надо.

На этот раз Бьорн не стал ворчать. Только сместился так, чтобы принять зверя, если маг ошибётся.

Вениамина дал одну короткую вспышку — ровно настолько, чтобы волк шарахнулся в сторону, — и сразу вернул просевший жар под котёл. Я мешал суп и следил за его пальцами: дрожат, но пламя остаётся маленьким. Вокруг смешались жжённый перец, мясо, лук, дым и кровь, магия оставляла во рту металлический привкус. Книга сухо напонила: «Не

повторяй». — Не собираюсь.

Книга сама раскрыла знакомый рецепт. Строки выступили на странице, и я начал менять его не по вдохновению, а по пунктам: больше воды, меньше перечной змеи, меньше жира, никакой дополнительной Жарки в сам бульон. Только обычный огонь. Магию я уже слишком легко воспринимал как ещё одну ручку на плите — прибавил, убавил, готово.

После ожога ладони доверия к такой кухне стало меньше. Она отдельно потребовала не усиливать рецепт через неё и не трогать Консервацию. Я согласился.

Чернила задержались, потом добавили: «Не повторяй прошлый раз». Отвечать было нечего.

Волк влетел в свет слева, Бьорн поднялся слишком резко и всё-таки отбил его. Торвальд крикнул, сколько осталось; я посмотрел на мелкие куски мяса, уже побелевшие внутри, и попросил две минуты. Получил одну. Соли добавил щепотку — мы теряли пот и кровь, и еда без неё сейчас была бы просто плохой работой. Потом ещё воды.

Рецепт честно сообщил: концентрация эффекта ниже исходной, риск потери самоконтроля остаётся.

Прекрасно.

Пробовал первым. Два глотка. Жар ударил в горло, сердце пошло быстрее, боль в ладони отодвинулась куда-то на задний план. Не исчезла — перестала казаться важной. Огонь стал ярче, кровь запахла сильнее, каждый шорох из леса отделился от остальных. А следом пришла до смешного убе-

дительная мысль: я вполне могу выйти за круг, найти волка, который ранил Грету, и лично объяснить ему правила приличия.

Грета поймала меня за запястье и подняла два пальца. Я ответил: два. — Как тебя зовут? — Антон. Повар. Идиот по совместительству. Последнее её устроило. Желание шагнуть за границу света никуда не исчезло, зато снова стало просто желанием, а не великолепным планом.

Торвальду я сказал как есть: суп работает, но слишком хорошо убеждает человека в собственной неуязвимости. Он оставил меня у котла и запретил отходить дальше пяти шагов. Порции я разлил не по мискам, а по маленьким кружкам — два-три глотка, Вениамину меньше остальных.

Бьорн потребовал полную порцию и получил столько же, сколько все, назвал это издевательством. Я назвал медицинской.

На возражение, что я не лекарь, заметил: поэтому спорить опасно.

Бьорн после глотка расправил плечи, и я сразу ткнул пальцем: свои здесь, волки там. Вениамин внезапно почувствовал себя бодрее и потянулся поднять огонь, но я остановил — резерв не вернулся, тело просто перестало жаловаться. Ларс от одного глотка выпрямился и стал быстрее накладывать стрелу, Торвальд внешне почти не изменился, только перестал беречь руку.

Грета сказала, что левое плечо почти не чувствует.

Вот это мне не понравилось сильнее всего: рана никуда не делась, суп лишь закрыл рот телу.

Я повторил всем ещё раз: после боя никто не встаёт без проверки, даже если кажется, что может бегать по деревьям. Бьорн пообещал бегать только по волкам.

Вторая атака оказалась короче. Чудесно сильнее мы не стали — просто перестали экономить оставшееся. Бьорн держал свой проход и не гонялся за волками, Грета работала одной рукой из-за камней, Рик прикрывал её сбоку, Торвальд держал центр, Ларс тратил стрелы только наверняка, Вениамин давал огонь редко и коротко. Я оставался у котла, хотя суп очень убедительно объяснял, что моё настоящее место — в первых рядах с чем-нибудь тяжёлым.

Один волк всё-таки прорвался через промежуток и сбил меня на землю. Зубы сомкнулись на сковороде, чугун застонал, Рик ударил зверя сбоку и выдернул меня обратно за ремень. Трещина дошла почти до края. Книга сухо напомнила: «Сковорода». Я ответил, что вижу. «Рада».

Справа Грета снова открыла рану, Бьорн рывкнул ей сесть, она в ответ заметила, что лицо у него серое.

Я заорал «свои!», а Торвальд добавил: после боя выясните, кто кому больше мешает умирать. И тогда стая расступилась.

Вожак вышел на границу света. Огромный серый волк, почти с телёнка, весь в старых рубцах, один глаз мутный, второй слишком спокойный. Чутьё опять дёрнулось и не смог-

ло нормально разобрать запах — кровь, гниль, что-то ещё. Рик спросил, оборотень ли это. Ларс ответил: волк. Просто неправильный. Торвальд запретил придумывать название посреди драки. Вожак пошёл прямо к костру.

Первым ударом отбросил Бьорна на камни. Второй развернулся от копья Торвальда и рванул к Вениамину. Веня сорвался: широкая вспышка ушла выше, чем нужно, дерево за зверем загорелось, а на пальцах мага погасло всё. — Пусто! — крикнул он. Вожак развернулся к Грете.

Она подняла нож. Плечо было красным до локтя.

Рядом со мной кипел котёл — половина супа, который никому больше нельзя было пить. Книга успела сказать: «Только не в себя». — Даже не собирался.

Я схватил котёл обеими руками. Обожжённая ладонь вспыхнула болью, но Берсерк-суп внутри тут же предложил не обращать внимания. На этот раз я хотя бы понимал, кто говорит. Швырнул.

Железный край попал в морду, следом горячий острый бульон накрыл голову и грудь. Вожак завыл, покатился по земле, вскочил уже с закрытым глазом. Запахло мокрой шерстью, перцем и тем, чем обычно пахнет кухня после катастрофы.

Он мог броситься опять. Вместо этого коротко рыкнул. Волки начали уходить.

Не панически. Подбирали раненых, отступали по одному, растворялись между деревьями. Последним ушёл вожак,

оставляя капли крови и клочья обваренной шерсти. Ларс не стрелял ему вслед. Торвальд не приказал преследовать. А дерево за спиной всё ещё горело.

Рик схватил одеяло, я — воду. Вениамин сидел у костра, сжимая пустые ладони. Грета попыталась встать. — Сядь, — сказал я.

Она посмотрела на меня и, к моему удивлению, села. Значит, действительно плохо.

Последний уголёк затоптали землёй. И только тогда суп начал отпускать.

Суп отпустил разом. Боль вернулась вся: ладонь, рёбра, спина, колено, мышцы, о существовании которых я раньше не подозревал. Я хотел присесть и в итоге просто рухнул возле костра.

Бьорн лежал у камня и дышал через зубы. Когда смог нормально вдохнуть, сказал: — Больше такое не вари. Я напомнил, что он сам просил силы. Гном некоторое время смотрел на меня, потом отвернулся к камням. — Просил. Дальше сам думай.

Грета была бледнее всех. Я пополз к ней — встать не получалось — и только тогда увидел, насколько глубока рана на плече. Когти разорвали ткань, кровь снова пропитала повязку. Торвальд тоже был ранен, Ларс хромотал, у Рика на голени шла длинная царапина. Пока мы считали, кто может держать ткань и кто способен сходить за водой, слово «победа» вообще никому не понадобилось.

— Чистую ткань. Сначала Грета, — сказал Торвальд. Рик уже нёс воду. Я прижал ткань к её левому плечу, и она вцепилась мне в запястье. На вопрос, больно ли, впервые не последовало привычного «ерунда»: просто «да». Вениамин сидел чуть в стороне, смотрел на свои руки и снова пытался начать про промах и загоревшееся дерево.

Я оборвал его: потом.

Дерево потушили, люди всё ещё кровят — уроки будут, если все доживут до утра. Он кивнул и замолчал.

Вениамин открыл рот ещё раз. — Я... Он посмотрел на обгоревшую ветку, на свои ладони и не закончил. Рик молча поставил рядом с ним кружку воды. Веня взял её обеими руками, отпил и остался сидеть, уставившись в землю. Никто не стал вытаскивать из него правильные слова.

Когда повязки наконец затянули, я вспомнил про Книгу. Обычно после драки она уже успевала обругать мою технику, родословную и выбор посуды; сейчас молчала. Я достал её из-под куртки. По краям нескольких страниц шла тёмная полоса, бумага под пальцами была горячей. Позвал. Ответ пришёл слабый: «Я здесь».

От этих двух слов стало холоднее, чем от волчьего воя.

Я сп

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.